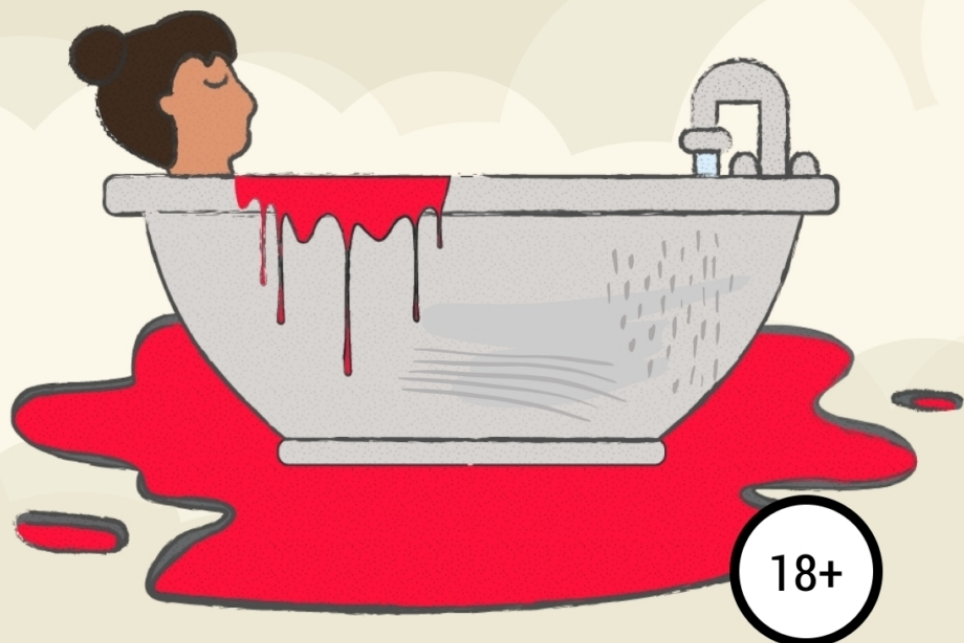

Детектив
ЛЮДМИЛА КУНДЕРСКАЯ

ПАРТИЯ „ДАЙ
ПОРУЧИТЬ!“

18+

Людмила Киндерская
Партия, дай порулить

«Автор»

2018

Киндерская Л.

Партия, дай порулить / Л. Киндерская — «Автор», 2018

Что ждет "серую мышку" Киру и ее коллег из партии "Народная власть"? Известно, что политика - грязное дело. Но героини подумать не могли, что им предстоит расследовать убийства, взрывы, нападения и шантаж. И все это в свободное время - от работы, устройства личной жизни и поиска потерянных родственников. Роман балансирует на грани драмы и иронии. Вместе с героинями читатель узнает, что скрывается за парадным фасадом политических партий. А также, как далеко готовы зайти политики и бандиты, защищающие свои интересы. Дизайнер и иллюстратор обложки Наталья Котова.

© Киндерская Л., 2018

© Автор, 2018

Людмила Киндерская

Партия, дай порулить

Глава 1

– И самое главное, это... – Олег Витальевич Похлебкин глотнул воды и продолжил, – это чтобы никаких либеральных лозунгов, идей! Народ сегодня этого не любит. Народ сегодня Отечество любит. Так что будем идти в ногу со временем. Патриотические идеи, поднятие русского духа, «Крым наш»... и все такое.

Актив московского отделения партии «Глас народа» собрался в конференц-зале гостиницы «Парадиз». Зал был большой и неуютный: длинный стол, за которым разместился президиум, узкая высокая трибуна, больше похожая на пюпитр и несколько рядов неудобных новомодных стульев.

Партия была молодой, в политической жизни страны существовала чуть больше года. Несмотря на это, она амбициозно собиралась преодолеть 5-и процентный барьер на предстоящих выборах. Однако этому мешала невнятная программа и нечетко прорисованная идеологическая платформа. Ну что это такое: свобода, равенство, братство, справедливость, законность?... Все эти принципы заявлены еще пару десятками партий.

Возможно, именно поэтому рейтинг «Гласа народа» третий месяц подряд активно снижался и при таком темпе в скором будущем мог достичь уровня статистической погрешности.

Поэтому необходимо было срочно проводить ребрендинг партии: сменить название, разработать ее слоган, а самое главное – определить уникальность их программы.

– Ну, так этим мы никого не удивим. Чем электорат брать-то будем? Фишка какая? – раздалось из зала.

– А фишка, други мои, вот в чем: бороться будем с внутренним врагом. С коррупционерами, взяточниками, казнокрадами и т.д., и т.п. То есть с той самой пятой колонной, которая своими действиями подрывает устои государства. Только не с теми, кто против России на каждом углу кричит, типа музыкантов зажавшихся и баб гламурных. А с теми, кто на словах кричит, что они за Россию, за правду, а сами воруют, разбазаривают, то есть, подрывают доверие к власти изнутри. Вот они и есть наши враги. И народ должен поганой метлой вымести эти пороки из нашего общества. Мы будем беспощадны. Партию переименуем, назовем «Народная воля». И символ какой-нибудь нарисуем, например, метлу и волчью пасть. Видел в Интернете такой рисунок, нам как раз в тему. Ну, типа, мы будем выгрызать наши российские ужасы и выметать их метлой. Вопросы есть?

Олег Витальевич возбужденно оглядел присутствующих.

Зал зааплодировал.

– Супер! Мы всех порвем! Народу это понравится! – раздалось со всех сторон.

– Разрешите? – робко спросила неприметная девушка в растянутом свитере и узких джинсах.

Ей бы в разведке служить. Таковую встретишь на улице и не узнаешь. Худющая, цвет волос невнятный, лицо бледное...

– Спрашивай, Кира, – благодушно разрешил Олег Витальевич.

– «Народной волей» назваться никак нельзя. Была такая революционная террористическая организация. Они же Александра Второго убили!

– Да? – равнодушно спросил Похлебкин, разглядывая отполированные ногти. – Ну, пусть тогда будет «Народ и воля». Делов-то!

– И метлу с пастью нельзя знаком делать. Это символ опричнины, – учительским тоном сказала Кира Кораблева.

Олег Витальевич изумленно поднял брови, не отрывая взгляда от ногтей.

Кира подумала, что такого просто не может быть. Руководитель партии, ее лицо, не знает про опричников? Не знает, что они были гвардией при Иване Грозном. И именно их символом была метла и собачья голова. И про Малюту Скуратова не знает...

Но Похлебкин действительно не знал, и страшно обрадовался, когда Кира провела ему «кликбез» по этому поводу.

– А что, – задумчиво проговорил он, оторвавшись, наконец, от созерцания ногтей, – это мысль. Постойте, постойте... Народ у нас любит сильную руку, порядка хочет. А тут Иван Грозный, Скуратов, который малютка... Хорошо.

– Малюта – это его имя, – пробормотала Кира.

– Да-да, я понял. Это, типа, шутка такая. А Иван Грозный – это мысль. Как думаешь, Антон Семеныч? – обратился Похлебкин к сидящему на трибуне невысокому плотному мужчине с зачесанной на обширную лысину прядью волос. У него были пухлые щеки, умные глаза и скошенный маленький подбородок, который, видимо, вызывал у его владельца комплекс неполноценности, потому что он постоянно выдвигал нижнюю челюсть вперед.

– Не пойдет, – покачал головой тот.

– Чего не пойдет?

– Надо говорить не «чего», а почему, – тихонько поправил его коллега.

– Ну почему? Почему, Семеныч? – расстроился Олег Витальевич.

– А потому, что эта ниша занята. Коммунисты уже почти сто лет эту самую сильную руку пропагандируют. Да и потом за них голосует, в основном, старшее поколение. А этого старшего поколения не так-то много осталось. Наша цель – средний возраст. Те, кто застал СССР, но еще относительно молод. Они социально активны. И их Иваном Грозным не возьмешь.

– Согласен, – вздохнул Похлебкин, – а такая идея классная была. Неизбитая.

Лидер партии «Глас народа» был глуповат, но это было совершенно неважно. У него была такая фактура, что не использовать ее было просто грех. Олег Витальевич был дивно хорош. Эдакий Олег Видов времен «Джентльменов удачи». Такие же синие глаза, такой же проникновенный взгляд, такой же мужественный подбородок с неглубокой ямочкой. Только, в отличие от Видова, брюнет.

Похлебкин был так хорош, что партия, решившая сделать его своим «лицом», сначала пригорюнилась. Акцент-то в программе все-таки собирались делать на патриотизм. Народу требовались новые герои, мужественные, с пламенным взором. А этот похож на какого-то реформатора, либерала.

Тогда имиджмейкер Тамара Максимовна Бородина придумала, как добавить брутальности Олегу Витальевичу. Сначала безжалостно состригли его роскошную длинную челку. И все равно Похлебкин оставался слишком смазливый. А вот когда его заставили отрастить трехдневную щетину, он стал таким, каким и должен быть лидер партии «Глас народа».

– Ну хорошо, – сказал Антон Семенович Востриков, формально заместитель председателя партии, а по существу, ее основатель и идейный вдохновитель. – Хорошо. Значит, платформу партии конкретизировали. Теперь давайте ваши предложения о прочих символах: слогане, эмблеме. Только без метлы и волчьей пасти.

Он обвел зал внимательным взглядом.

Шикарная блондинка, сидящая рядом с Кирой, поняла руку.

– Прошу вас, Аллочка, – расплылся в улыбке Похлебкин.

Девушка с грацией пантеры встала, провела рукой по дивному изгибу тела, как бы поправляя и без того идеально сидящее платье, и сказала:

– У единороссов символ – медведь, это сильный зверь. Значит, нам нужно взять еще кого-нибудь более сильного. Кто может медведя победить?

С этими словами она бросила на присутствующих беспомощный взгляд и села.

«Вот бы мне уметь так глазками хлопать, – с грустью подумала Кира, – тогда можно и глупости говорить. Это будет выглядеть даже трогательно».

– Какой зверь сильнее? – задумался Похлебкин. – Лев! Лев сильнее. Это здорово, давайте символом будет лев.

Востриков закатил глаза.

– При чем тут лев? – выкрикнул Вениамин Краснов, веселый молодой человек. У него были янтарного цвета глаза с темными вкраплениями, рыжие волосы и белесые брови.

Кира за все время, что посещала собрания партии, так и не поняла, кто он в партийной иерархии. Что-то типа мальчика на побегушках? Он хватался за любые дела: печатал, разносил, развозил, договаривался...

– Это не наш зверь, не русский, вернее, не российский. Такое не пройдет, – продолжил Вениамин.

Народ зашевелился, загудел, начал выкрикивать предложения. После долгих дебатов было решено символом партии выбрать руку, согнутую в локте и сжатую в кулак.

– А давайте, в кулаке будет зажат чиновник, – выдал Олег Витальевич.

– Как народ поймет, что это чиновник? – заволновалась Тамара Максимовна.

Она принадлежала к тем самым социально активным людям, на которых делал ставку Востриков. То есть, «которые СССР застали, но относительно молоды». Молодость действительно была относительной: недавно Бородиной исполнилось 53 года. В дело партии она верила и была активным ее членом. На каждое собрание ходила, как на праздник: темный строгий костюм и обязательная белая блузка с камеей на высокой груди. Несмотря на немаленький рост, спину она держала прямо, отчего казалась еще выше, а от того, что седой волос не красила, а подсинивала – старше.

– Мы его нарисуем толстым, и пусть из него деньги сыплются.

Кира не выдержала:

– Это просто РОСТ какой-то. КуКрыНиксы. Так нельзя.

– Я вот ни слова не поняла из того, что сказала Кира, – надула губки Аллочка. – Что это за словечки?

Аллочка никак не походила на барышню, которая может состоять в партии. Она была яркой блондинкой, с пышной грудью, тонкой талией и большими миндалевидными глазами. Правда, в последнее время Государственная дума изрядно пополнилась девушками модельной внешности. Так что, в этом смысле, партия «Глас народа» шла в ногу со временем.

– Кира Анатольевна у нас девушка грамотная, – прокаркала супруга Антона Семеновича, Элла Эльдаровна Обозова– Вострикова.

Она была некрасива, но об этом не знала и даже не догадывалась. Поэтому вела себя как красавица, уверенно и с некоторой долей превосходства. Большой нос считала своим достоинством, длинные мочки ушей подчеркивала серьгами с крупными камнями, а выступающую нижнюю губу красила ярко-красной помадой.

Но своим главным достоинством она считала ум. То, что КуКрыНиксы– аббревиатура фамилий художников– Куприна, Крылова и Николая Соколова– просто азбука. Для нее, разумеется. Окна сатиры РОСТА– плакаты– карикатуры. Они создавались советскими художниками и были понятны неграмотному народу. Эдакие комиксы нынешнего времени.

Востриков сразу похватил тему плаката.

– А мысль, кстати, не такая уж нелепая, – задумчиво проговорил он. – Язык плаката очень доходчив. Но я думаю, что мы с вами ограничимся просто кулаком. Лаконично и убедительно.

– Нужна фишка для нашего лидера. Он должен отличаться от прочих глав партий, – Тамара Максимовна встала рядом с Похлебкиным. – Этот костюм не отвечает миссии нашей партии. Все должно быть ближе к народу. Одежда, машина, образ жизни... Все просто, открыто.

– Так что, в джемпер что ли его одеть?! – возмутился Вениамин.

– Черный джемпер – это ноу-хау Чалого. Нет, тут необходимо что-то другое, – она обошла Олега Витальевича, задумчиво теребя подбородок.

– А если он будет в рубашке с закатанными рукавами? – выкрикнул Марк Борисович Капельман. Этот невысокий черноволосый красавец, юркий и находчивый, выполнял для партии самые деликатные поручения.

Все одобрительно зааплодировали.

– Да! Именно так! – Олег Витальевич снял пиджак, подвернул рукава и стал еще краше. – И слоган тогда может быть такой: «Закатай рукава»!

– Ага, лучше губу, – выкрикнула совсем еще молоденькая девчонка. Кире казалось, что ее зовут Глафира. – Давайте так: «Закатай губу».

Народ грохнул со смеха. Похлебкин не обиделся:

– Ладно, убедила. Давайте тогда что-нибудь решительное, боевое. Пусть будет «Пора кончать»!

После этих слов повеселел и президиум. Даже Востриков зашелся повизгивающим смехом.

– Ну Одноразовый дает, – залиvisto хохотала Аллочка.

– Почему Одноразовый? – удивилась Кира.

– Ой, ну ты прямо девочка– припевочка. Ты пробовала целоваться с мужиком, который три дня не брился?

Кира покраснела и отрицательно покачала головой. Конечно, нет, кто с ней вообще целоваться-то будет? Она, в отличие от Эллы Эльдаровны, себя оценивала адекватно.

Аллочка с недоумением оглядела ее с головы до ног.

– И правильно. Наколет щетиной все лицо, второй раз уже ничего с ним не захочешь. Поэтому он и Одноразовый. Я всех небритых мужчин так называю.

Народ вовсю веселился и подсказывал лозунги один лучше другого. «Кончил дело, гуляй смело», «Конец – делу венец» – несло со всех сторон.

Олег Витальевич удивленно хмыкнул и сел на место.

Бородина отсмеялась, вытерла выступившие слезы и продолжила:

– Значит так. Первое – прическа.

Она подошла к Похлебкину и слегка взъерошила ему волосы.

– Второе – щетина. Третье – рубашка. Четвертое – взгляд. Это самое сложное. У нашего президента взгляд бесстрастный и нацелен на сегодня. А мы возьмем взгляд в будущее.

– Что это значит, Тамара Максимовна? – заинтересовался Востриков.

– Ну вот, как у Владимира Ильича Ленина. Недаром его Герберт Уэллс кремлевским мечтателем назвал. Ленин говорил про светлое будущее, смотрел вперед и не только верил в него, но и видел. Будущее, в смысле. И взгляд такой пламенный, что об него спички впору зажигать. Люди и зажигались. И шли за ним. В прекрасное далеко.

– Жаль только – жить в эту пору прекрасную уж не придется – ни мне, ни тебе, – пробормотала Кира.

– Что, простите? – с досадой повернулась к ней Бородина.

– Стихотворение Некрасова «Железная дорога». Это я про «прекрасное далеко», – тушуясь, ответила Кира.

– Кира Анатольевна, если вы у нас такая эрудированная, ждем ваших предложений, – Востриков налил из графина воды и в два глотка ее выпил.

– Я прошу прощения, – Кира готова была откусить себе язык.

Сегодня на нее явно что-то нашло. Из-за необдуманных реплик она привлекла к себе нежелательное внимание большого числа людей.

– Я могу продолжать? – Бородина недовольно повела плечом. И не дожидаясь ответа, стала рассказывать дальше. – Итак, взгляд. Давай, Олег, посмотри вдаль.

Похлебкин прикрыл глаза, потом открыл их и уставился куда-то поверх голов. Вид у него стал бравый и придурковатый.

– Ой, нет, не так, – поморщилась Бородина. – Ладно, отложим репетицию на потом.

Антон Семенович несколько раз отрывисто хлопнул в ладоши:

– Заканчиваем, заканчиваем! Слоган сделаем такой: «Хватит»! Или «Хватит воровать»! Или «Надоело»! Что-нибудь вроде этого. Завтра заявим о ребрендинге партии. И это не ревизионизм, заметьте, а обновление. Это хорошо, это пройдет. Сразу интерес к себе подогреем. Завтра и при широкой информационной поддержке. Так что господину Похлебкину предстоит сегодня бессонная ночь. Давайте его поблагодарим и отпустим.

Все одобрительно загудели, задвигали стульями.

– Минуточку, минуточку! – перекрикивая шум, выкрикнул Востриков. – Важная информация. Сядьте на места.

Народ нехотя вернулся к своим стульям.

– Вы знаете, что на политическом небосклоне мы совсем молодая звезда, – Востриков задумался. Фраза звучала образно, запоминающееся, нужно будет обязательно где-нибудь ее использовать.

– Тем не менее, «Глас народа» уже успел открыть в крупнейших городах страны общественные приемные. Они, кстати, себя очень неплохо зарекомендовали. Но саму их работу нужно немного изменить. Обновляться, так обновляться! Во-первых, за каждой приемной закрепим определенный состав наших членов. Вот список людей, которые будут работать в каждом конкретном центре, – и он потряс в воздухе бумагой. – А во-вторых, долой безликость! Каждая такая приемная будет иметь свое название. Это будет наше ноу– хау!

И Антон Семенович небрежно засунул в брюки выбившийся угол рубашки.

– Что это за зверь «общественная приемная»? – весело спросила Глафира. – Я не в курсе.

– Это значит, что вы в определенные часы сидите и ведете прием недовольных граждан. Выслушиваете их жалобы и помогаете им.

– Ничего себе! Как это «помогаете»? Всем не поможешь. Тут себе бы помочь, – на одном дыхании выпалила Глаша.

– Кому сможете, тому и поможете. А вообще, все остается по-прежнему. Кто уже работал в приемных, тот знает. Ваша задача – собирать жалобы, докладывать в центр, а решать будем мы, – проскрипела Элла Эльдаровна.

Много лет назад она переболела тяжелой формой гриппа, который дал осложнение на голосовые связки. С тех пор ее голос напоминал скрип колеса несмазанной телеги.

– Все, все свободны. Вот списки, изучите, и завтра вечером ждем вас здесь же. Будет пресса. Так что приоденьтесь. Ответы на вероятные вопросы журналистов подготовим.

Глава 2

Глафира Радова подошла к двухэтажному обшарпанному зданию, в котором теперь будет находиться одна из общественных приемных партии «Народная власть». Все-таки ее решили назвать именно так, а не «Глас народа». И чего они только спорили об этом? Практически одинаковые названия.

В эту партию ее привела подруга Назира. Как-то она прибежала и возбужденно начала рассказывать, что познакомилась с обалденным мужчиной.

– Ты не представляешь, что это за мужик! Красавец, бабок куча, тачка крутая! Вот это жизнь! Нам надо завязывать с малолетками тусоваться, иначе так и будем жить: замуж, спиногрызы, пеленки, сопли... И копейки считать до самой смерти.

– Ну а что делать? Все так живут, и мои родки так же, и твои.

– Вот именно! Поэтому я так жить не хочу! Я думала и придумала. Тот мужик, с которым я познакомилась, он в партии какой-то состоит. И там таких крутых, как он, не один и не два. Нам с тобой тоже нужно туда записаться членами. Это наш шанс.

Вот так Глафира в свои девятнадцать лет попала в партию «Народная власть» и сегодня заступала на дежурство в ее общественную приемную. А Назира приложила все силы, чтобы они попали именно в актив партии, иначе, как утверждала подруга, не стоит и начинать.

На стене у входных дверей висела табличка с надписью:

«Искра». Общественная приемная партии «Народная власть».

«Искра» – это, получается, название их офиса. Тот, что в Черемушках, называется «Пламя», на Кутузовском – «Мы вместе». Короче, полная пурга. Сидеть и выслушивать жалобы нытиков Глафире не хотелось совсем, но Назира убедила подругу в том, что так надо.

– Ты пойми, мы должны себя хорошо зарекомендовать. Тогда пройдем в верхние слои, а там уже всякие собрания, тусня...

Назиру прикрепили к офису на Кутузовском. Глаше предстояло дежурить вместе с фигуристой блондинкой Аллочкой. Она была очень похожа на Памелу Андерсен. Глафира с Назирой так и стали между собой ее называть – Памела.

Еще с ними в офисе будет находиться та бесцветная моль, которая умничала на последнем собрании партии. Ее звали Кира, но подруги прозвали ее Теткой. А как еще?! Мало того, что ей в обед сто лет (Глафира узнала, что ей – о ужас – тридцать четыре года), так она еще и одевается в жуткие растянутые шмотки. Глаша даже подозревала, что та сама их вязала. А еще волосы некрашенные, какого-то серо-буро-малинового цвета, нещипанные брови. Губы, правда, у нее красивые, да и глаза ничего, но все какое-то размытое. Короче, Тетка. Вот ей бы, Глаше, такой рост, как у Киры – так она моделью могла бы стать, а не в партии этой париться.

Главным над ними назначили Сергея Торопова. Глафира его самого еще не видела, но машину разглядеть успела. Задрипанный Опель, которому лет десять, не меньше. Опель-попель.

Пятым участником их коллектива будет приятная женщина по имени Татьяна Митрофановна Сологубова. У нее стильные шмотки, неплохая тачка. Глаша знала, что та работала врачом. Врачиха. И замужем. Странно, что ей нужно в этой партии?

Глафира вошла в приемную. Все уже были на местах.

– О, явилась. У нас сегодня прием начинается в десять. А уже пол-одиннадцатого. Мы за тебя пахать не собираемся, – возмутилась Аллочка.

– Да ладно, Алла, пока ж сами справляемся. Так что ничего страшного, – вступилась за опоздавшую Кира.

– Ну и что? Получается, я должна приходиться вовремя, а эта соплячка нет! – не успокаивалась скандалистка.

– Так, тихо, Ал! Нам вместе работать не один день. Так что ругаться нельзя, – встряла Сологубова. – Идите, Глаша, на свое место. Вот ваш столик, ноутбук. Регистрируем жалобу, кратко описываем проблему и пересылаем в центральный офис на анализ. А потом получаем ответ: или нам самим с делом разбираться, или его за нас решат.

В приемную вбежал Вениамин Краснов, кинул на стул большую холщовую сумку и стал одну за другой вынимать оттуда таблички, которые нужно было прикрепить в офисе «Искры».

– Всем привет! А я к вам. Вот, буду приколачивать. Как вы, работаете? – выпалил он без пауз. – А стремянка здесь какая-нибудь есть?

На него смотрели несколько пар глаз. Никто ничего не ответил и не пошевелился.

– Эй! Гараж! Стремянка есть?

Наконец, на его тарахтенье отреагировала Кира. Вениамин ее хорошо запомнил, она была симпатичной, только уж больно неухоженной. И тихая такая. Просто Тютя. Хотя, на последнем собрании она отличилась, куда только ее робость подевалась.

– У нас есть табуретка. Если вы на нее встанете, то мы подержим вас за ноги, – сказала она.

– Не нужно меня держать. Я справлюсь. Где ваш стул? – отмахнулся Веня.

Пока он любовался табличками, Кира принесла из соседней комнаты табурет.

– Поможешь? – спросил Краснов у Глафиры.

Девчонка была классной: сережка в носу, татуировка на запястье, рваные джинсы. Вениамину такие нравились.

– А чего тебе помогать-то? Гвозди подержать? Обойдешься, – Глафира была девушкой современной, и умела дать отпор особо навязчивым.

– Ну и ладно, – сразу согласился Веня. – Сам справлюсь. А чего вы такие смурные? Чего молчите-то?

– К нам люди приходят со своими бедами. Настроение от этого не повышается, – снова вступила в разговор Кира.

– Да перестань! – прервала ее Аллочка. – Обычные проблемы, как у всех: ЖКХ, денег нет, работы нет, муж бьет, пьет, дети тунеядцы... Ходят, жалуются. Странные люди, верят, что кто-то им поможет. А если вам интересно, молодой человек, почему я молчу, так я скажу – хочу и молчу, – без перехода ответила она Вениамину.

Она надула губки, тряхнула волосами и сердито отвернулась.

Веня хмыкнул:

– У вас, как в грузинском анекдоте. «Дэвушка, такой красивый, почему молчишь»? А она ему: «Хочу и молчу». А он: «Вах, вах, хочешь и молчишь»!

И он захохотал так заразительно, что, несмотря на то, что анекдот был с бородой, остальные тоже прыснули со смеху.

Вениамин отсмеялся и стал примерять вывеску к стене.

– Что это? – подошла к нему Сологубова.

Она была в стильном брючном костюме вишневого цвета. Гладко зачесанные темные волосы, ненакрашенные глаза и пухлые губы, подчеркнутые темной помадой винного оттенка.

Вениамин скосил на нее глаза, не будет же он пялиться на женщину в два раза старше его. Она была очень даже ничего, а если бы еще надела юбку, да покороче! Вообще была бы секси. А так – кофта с жабо, узкие брюки, очочки... Училка, одним словом.

– Тут написано, что вы «Искра», часы приема указаны. Фамилии ваши, телефоны, – пояснил Веня.

– Я не про это. Вот эта таблица о чем? – Сологубова указательным пальцем ткнула в листок бумаги и поправила очки на переносице.

– Здесь вы будете отмечать свои победы. Поможете кому-нибудь и сразу отметите красной пятиконечной. А если дело в разработке, то зеленой, – Вениамин разложил на столе бумажные звездочки.

– А если не сможем помочь? – уточнила Кира.

– Тогда черную. Но я думаю, что черных звездочек будет немного. Скоро выборы. Все расстараятся, чтобы поднять рейтинг партии, – со знанием дела сказал Вениамин.

– А вы, молодой человек, достаточно цинично рассуждаете для своего возраста. Мы помогаем людям не потому, что скоро выборы, а потому что наша партия стремится реально помочь народу.

Интересный мужчина средних лет с сединой на висках и с тонкими усиками над верхней губой укоризненно покачал головой, глядя на Краснова. Усы ему шли, но были, по мнению Вени, ужасно старомодны. Наверное, именно так должны выглядеть дипломаты, опять же, по мнению Вениамина. На бедже было написано «Сергей Торопов».

– Ага, как же! – засмеялся Веня. – Все партии хотят помочь народу, пока не прошли выборы. А потом начнут делить портфели, и станет не до помощи людям.

– Интересно, как с такими мыслями вы пришли в партию? – возмутился Торопов.

– Перестаньте мучить мальчика, – вступилась за него Кораблева. – Он делает свое дело, а нам надо делать свое. Извините.

В этот момент в приемную зашел высокий старик, с достоинством всех оглядел и прямо направился к Кире.

Глава 3

После работы Сергей Торопов шел по улице Багрицкого, ища дом под номером 17А. Из-за странной нелогичной нумерации он блуждал вокруг да около битых полчаса. Нужное здание нашлось, наконец, в глубине двора. Он подошел к кирпичной пятиэтажке, поднял голову и с тоской посмотрел вверх.

Три дня назад Антон Семенович попросил его разобраться с одним деликатным делом. Вернее, нет, не так. Не с деликатным, а с его личным, собственным. Такие вещи Торопов очень не любил, но делать было нечего.

– Понимаешь, Сергей, моя мама очень беспокоится, – говорил ему накануне Востриков. – У нее есть подруга детства, Ноэми Юльевна Вассерман. Так вот, у той появились какие-то очень беспокойные соседи. Она пожаловалась маме, что к тем постоянно ходят толпы людей, причем бритоголовых, в кожаных куртках. Она переживает, думает, что это скинхеды. Ее внука несколько лет назад такие вот избili до полусмерти. Ну и теперь моя мама за нее волнуется. Ты у нас человек деликатный, дипломатичный. Будь добр, сходи туда, прозондируй почву.

Ну и как выполнить это поручение? Прийти и спросить: «Скажите, пожалуйста, вы случайно не антисемиты»? Вообще-то для всяких «деликатных» поручений у партии имелся Марк Борисович Капельман. Востриков мог бы его попросить... Ах, да, его-то как раз и не мог.

«Капельман, Капельман, улыбнитесь, ведь улыбка – это флаг корабля», – тихонечко пропел Сергей себе под нос. Он вынул из кармана листок, на котором Антон Семенович записал адрес проблемной квартиры. Вот интересно, что бы сказал графолог, глядя на крючочки и закорючки, гордо именуемые почерком. Буквы, да и цифры, сплошь состояли из затейливых петелек, хаотично наползающих друг на друга. Ну вот как понять 33, 38 или 88? Хотя, в доме 60 квартир. Или, может, эти закорючки означают цифру 6? Нет, пожалуй, загогулина – или три или восемь. Позвонить Вострикову и уточнить – значит расписаться в неумении решить ситуацию самостоятельно. Ничего, разберемся. Вот это крючок или кружок?

Над подъездом, около которого стоял Торопов висела табличка «Квартиры с 31-45». Если рассуждать логически, то нужно выяснить номер квартиры Ноэми Юльевны, а тогда плясать от него. В списке жильцов Вассерман Н.Ю. значилась около номера 37. Торопов вздохнул с облегчением: слава богу, значит ему в тридцать восьмую.

Вообще-то, он был обижен на Вострикова. После того, как Сергей согласился выполнить поручение «моя мама волнуется», Антон Семенович с облегчением выдохнул, радостно потер руки и обратился к Похлебкину:

– Ну а мы, Олег Витальевич, займемся делом. Бери ребят и езжай на улицу Победы. Там, по слухам, открылась одна «точка», просто пальчики оближешь.

У Похлебкина загорелись глаза.

– Что, наркотики?

Он так обрадовался, как будто сам рассчитывал разжиться там дозой другой.

– Они самые, родимые. Спайсы всякие... А главное – тема дня: алкогольная крутка.

– Что, «Боярышник»? – радости Похлебкина не было предела.

Востриков только вздохнул и качнул головой.

– Да нет, конечно. Самогон. Но это наша тема, ребята!

– Что значит, «наша тема», – не выдержал Торопов. – Мы же боремся с коррупцией, разьедающей чиновников.

– А это тебе что, не коррупция? Каждый день то тут, то там находят целые заводы, крутящие алкоголь! Их же кто-то крышует. А народ устал сутками слышать, как десятки людей становятся жертвами метилового спирта. Соображаешь? – возбужденно воскликнул Востриков.

– Я-то соображаю, но что мы сделаем? Здесь же нужна государственная монополия! Монополия! А у спиртовиков такие бабки! Нас просто размажут, если мы выступим с таким предложением. Никто не в силах решить эту проблему!

– А мы в силах. В этом и есть, как говорят в Одессе, две большие разницы, – сказал Востриков. – И мы не сумасшедшие переть по подпольным заводам, там и правда башку снесут. Мы пойдем по «точкам»! Главное – побольше шуму.

– Но на «точках» как раз «натур продукт», а не метиловый спирт, – попытался возразить Торопов, но Востриков только махнул рукой.

– Да какая разница! Все равно рассадник. Закроем пару точек – тогда мы на себя оттянем процентов десять голосов, а то и больше. Пригласим прессу. Что там единороссы, подумаешь? Они ветеранам жилье обещают, пенсии поднять. Но это уже привычно. А тут мы накануне годовщины Победы освободим улицу Победы. Там, кстати, этих алкогольных притонов не один и не два.

Торопов расстроился. Ему хотелось на самом деле решать вопросы, волнующие народ, а не добывать рейтинг для партии. Хотя, он не был наивным человеком и понимал что к чему. Ну, пусть будут, хотя бы рейды по «нехорошим» квартирам. Все-таки помощь в разгребании огромной социальной проблемы. И ему хотелось сегодня тоже принимать участие в этом деле. А он...

Каждому из их приемной досталось свое поручение. Милой грустной девушке Кире, которую он про себя назвал Тихоней, поручили старика-ветерана. У того были какие-то серьезные проблемы. Глуповатой Аллочке, ее он назвал Секс-бомбой, нужно было разобраться с неоправданно высокими счетами за коммунальные услуги. Их выставляла обслуживающая компания «Справедливый платеж». А девчонка со старомодным именем Глафира должна будет заняться пробиванием денег на ремонт домофонов. Ее, кстати, он назвал Простушкой.

Получается, все его подчиненные делают серьезные и очень нужные дела, и только он один отправился заниматься какой-то ерундой. Ну какие скинхеды? Полгорода ходит в кожаных куртках, а уж на счет бритых голов, так и говорить нечего. Это раньше лысина считалась чуть ли не позором. Антон Семенович до сих пор, будучи старомодным человеком, зачесывает на плешь остатки волос. А сейчас, то ли экология, то ли питание, но волосы стали покидать головы даже молодых. И ничего, это даже, считается сексуальным.

Торопов шел выполнять поручение Вострикова и стыдился его. Он вспомнил, как в молодости дежурил в ДНД, добровольной народной дружине. Была в советское время такая общественная организация. Кто-то из ребят патрулировал улицы, кто-то помогал милиции в задержании хулиганов. А ему досталось ходить по квартирам условно-досрочно освободившихся из тюрьмы людей и проверять, действительно ли они находятся дома в девять часов вечера, как положено по закону. Вот тогда он испытывал такое же мучительно-стыдливое чувство. Вроде ты благое дело делаешь, но нужно «стучать» на человека, если его нет вовремя дома. Слава богу, что с его «подопечными» таких проблем не случилось.

Так и сегодня, он шел «зондировать почву», и испытывал какое-то брезгливое чувство. Надо же, решать «мамину проблему» поручили именно ему. Как будто он ни на что другое не способен. Обставили просто «тактичный, дипломатичный»!.. Он даже жене не сказал, куда пошел, хотя раньше такого не случилось.

С Наташей они стали дружить еще в школе, в восьмом классе. Потом детская дружба переросла в любовь. Сергей вернулся из армии, и они поженились.

Их единственному сыну было уже восемнадцать лет, проблем семье он не доставлял, так что Торопов считал себя счастливым человеком. Жена им так гордилась, и если бы знала, куда он сегодня идет...

Сергей еще раз посмотрел на окна пятиэтажки, вздохнул и вошел в дом. Зашел и возмутился. Даже непонятно на кого: на пресловутое ЖКХ или на самих жильцов. Подъезд, выкрашенный в некогда веселый голубой цвет, был в безобразном состоянии. Краска вспучилась уродливыми пузырями, кое-где отвалилась и теперь зияла цементными проплешинами.

Как там говорил профессор Преображенский? Если мочиться мимо унитаза, в уборной начнется разруха? И если вместо того, чтобы кричать «бей разруху» заняться чисткой сараев, то разруха исчезнет сама собой? Торопов так развозмущался, что даже остановился между этажами и попробовал отковырнуть кусок «пузыря». Краска отвалилась сама собой. Он представил, как можно пройтись здесь шпателем, счистить старую покраску, подштукатурить... Красота! Но даже не в покраске дело, убрать-то мусор можно!

Он поднялся на третий этаж и остановился у новой металлической двери под номером 38. Едва он притронулся к звонку, как та приоткрылась, и в проеме показался симпатичный молодой человек.

Это было очень странно. Торопов ожидал увидеть какого-нибудь зигующего бритоголового молодчика в «косухе» и высоких армейских ботинках. А этот был беленький, кудрявенький, худенький, воздушный, просто эльф. Молодой человек аккуратно взял его за рукав и потянул на себя. Сергей оказался в квартире. Огляделся по сторонам – ничего особенного, квартира, как квартира. Вот только запах... такой тошнотворно-сладковатый.

– Что ж вы так долго, любезнейший? Я вас с утра жду, – сказал парень вкрадчивым голосом.

– Меня? – удивился Сергей.

– Конечно! Ведь это вы от Невзорова? – спросил он скорее утвердительно.

Торопов пару секунд помолчал, а потом неуверенно кивнул головой.

– С вас пятихатка, – молодой человек одной рукой протянул ему сверток, а вторую вытянул вперед в ожидании денег.

Сергей, как завороченный, протянул пятьсот рублей, забрал пакет и вышел из квартиры.

И тут он опомнился. Что это с ним было, просто морок какой-то? Зачем он взял пакет? А вдруг там дурь, и сейчас из-за угла выскочат бравые парни из Федерального бюро по обороту за наркотиками?!

Ведь прекрасно понимал – он в политике. И здесь возможны любые провокации и любые подставы.

Сергей торопливо вышел из подъезда, сел в машину и решительно набрал номер Вострикова.

– Антон Семеныч? Нам нужно немедленно встретиться.

– Ну, надо, так надо. Я сейчас в офисе на Суворова, приезжай, – и положил трубку.

Торопов завел машину и помчался на встречу.

В центральном офисе было красиво, стильно и дорого. Сергей слышал, что дизайном занимался какой-то скандинав. Поэтому стиль был такой легкий и естественный: много воздуха, света, бело-коричневая гамма, тканая обивка кресел, плетеные вазы с сухими ветками...

Охранник провел Торопова в кабинет Похлебкина.

Тот сидел в одном из кресел и курил сигару. Перед ним на журнальном столике стояли два фужера и полупустая бутылка коньяка.

Антон Семенович сидел в высоком офисном кресле цвета топленого молока и что-то быстро печатал на ноутбуке.

– Давай, заходи, – радушно пригласил Сергея Востриков, захлопнув крышку гаджета. Встал из-за стола и достал еще один фужер. Торопов спиртного не любил, и тем более, никогда

не пил за рулем. Но сейчас он был в таком состоянии, что готов был сам попросить чего-нибудь покрепче. Он залпом выпил предложенный коньяк, закинул в рот кусок шоколадки и опустился в кресло.

Похлебкин поморщился:

– Ты, Сергей Ефимович, коньяк пьешь, как водку. Надо же погреть в ладонях, почувствовать аромат, потом пригубить...

Торопов махнул рукой и бросил на стол сверток, полученный странным образом в квартире с тошнотворно-сладковатым запахом. Востриков сосредоточенно его выслушал, нахмурился, взял пакет и вышел из комнаты. Похлебкин не обратил на это никакого внимания. Он снова раскурил потухшую сигару:

– А что ты делал в той квартире, я не понял?

– Выполнял ваше поручение, Олег Витальевич, – сказал Торопов.

– Мое? – искренне удивился Похлебкин.

– Партийное, – не стал вдаваться в подробности Сергей.

– А ну да, – беспечно махнул рукой председатель партии. – А мы только что с Антон Семенychем про «точки» говорили... И зачем только люди покупают водку черт знает где?

Сергей внезапно развеселился:

– Так дешево же.

– Какой там дешево?! В магазинах тоже не дорого, – Похлебкин пригубил коньяк и обратился к Сергею с неожиданным вопросом. – Надеюсь, ты в курсе, что коньяк не закусывают цитрусовыми, а шампанское шоколадом?

Поскольку вопрос прозвучал тревожно и был наводящим, Торопов неуверенно кивнул головой.

– Ну, слава богу. А то тут таких умников полно. Выпьют и лимон требуют, – с отчаянием закончил Похлебкин и на некоторое время замолчал.

Вошел Востриков. Вернее, не вошел, а вбежал. Прядь волос, всегда прилежно лежащая на лысине, протестно поднялась дыбом.

– Сергей, почему парень принял тебя за посланца Невзорова? – выкрикнул он.

– Понятия не имею. Я и сказать ничего не успел. И кто такой Невзоров?

Востриков достал из кармана клетчатый носовой платок и промокнул лысину:

– Больше не появляйся в том районе, мы сами урегулируем проблему. А ты занимайся своими делами в «Искре».

Торопов обрадовался. Пускай теперь к соседям Ноэми Юльевны посылают кого-нибудь другого. А он займется настоящими делами. А вообще его беспокоил сверток, который ему там всучили. Что в нем? Наркотики? Деньги? Антон Семенович на этот вопрос не ответил. Только рукой махнул – потом, мол.

– Зачем ты вообще взял этот пакет? Что на тебя нашло? – с досадой спросил Востриков.

Сергей вспомнил вкрадчивый голос голубоглазого блондина, его расширенные зрачки и передернулся.

– Да кто его знает?! Растерялся, – неуверенно предположил Торопов.

– Ну да ладно. В любом случае тому парню больше на глаза не показывайся...

Сергей согласно кивнул равнодушному Похлебкину, возбужденному Вострикову и вышел.

Глава 4

Кира шла в гости к Макару Евграфовичу Самохину. Не шла, летела. Примерно месяц назад в их приемную пришел статный старик. Постоял в дверях, окинул всех цепким взглядом и решительно направился к ней. Выдвинул стул, повесил на спинку свернутый плащ и сел, опершись на трость. На лацкане пиджака сверкало несколько медалей.

– Добрый день, милая барышня. Это правда что вы здесь, – он обвел взглядом комнату, в которой сидела Кира, – помогаете людям? Даже таким древним, как я?

– Правда, помогаем, – кивнула она. – Поделитесь своей проблемой, и я подумаю, что можно сделать.

– Мои проблемы стариковские. Государством мне положен социальный работник, как одинокому старику. А мне его не выделяют. Ссылаются на то, что у меня есть родня.

Он внезапно замолчал, прикрыв глаза. Потом достал из внутреннего кармана пиджака стеклянный пузырек, заткнутый ваткой, вытряс оттуда таблетку, кинул ее под язык и замер. Кира начала было суетиться, но он удержал ее на месте, взяв за руку. Через пару минут старику стало лучше, он открыл глаза и выдохнул:

– Не беспокойтесь, милая барышня, сердце пошаливает. Так вот, о чем это я? – он на секунду задумался. – Ах, да! Вот голова дырявая. Значит, мне в социальной службе говорят, что я не одинок, у меня имеется какая-то мифическая родня. Поэтому мне не положены ни соцработник, ни льготы, как одинокому.

– А у вас нет родни? – переспросила его Кораблева.

– Ни единого человечка. Ни единого. Я один, как перст, – со вздохом сказал Макар Евграфович.

– Так откуда взялись выдуманные родственники? – удивилась Кира.

– Это я и хочу узнать. Вы можете мне помочь? – с надеждой спросил старик. – А то без соцработника мне не справиться.

Кира взялась за это дело. И для того чтобы уточнить кое-какие детали, зашла однажды в гости к Макару Евграфовичу. Они проговорили пару часов и стали друзьями. От него девушка получила столько душевного тепла, столько радости от общения, сколько не получала никогда в жизни. За исключением того времени, когда в ее жизни был Эмил Чореску.

Но, видно, свой лимит счастья, отпущенный жизнью, она исчерпала. Поэтому Эмила у нее больше нет, радости нет, тепла нет. И вдруг появился старик-ветеран Макар Евграфович. Теперь каждую свободную минутку Кира бежала к Самохину.

А сегодня Кира спешила к нему с особой радостью. Она хотела сообщить, что Макар Евграфович не одинок. У него действительно есть родственники.

Интересно, если бы Самохин появился в тот момент, когда в ее жизни еще был Эмил, могло бы все сложиться по-другому? Вряд ли. Что мог бы сделать беспомощный старик, как помочь? Разве он сумел бы уговорить Эмила не бросать ее, не оставлять без объяснения причин? Она до сих помнила, как мама кричала на нее:

– Ну что, помагросил и бросил? А я говорила! Связалась с лимитой, молдаванином, шоферюгой! Да ему от тебя только и нужна была прописка! Может, он преступник беглый, может, у него семья! Ты же даже ничего не узнала о нем! Сразу в койку прыгнула! Дура! Господи, какая же у меня дочь наивная дура!

Да, мама... Мама, конечно, оказалась права. Она наивная дура. Влюбилась, как кошка. Ничего про него не узнавала, ни о чем не спрашивала. Просто любила. А он взял и исчез. И ничего. Ни слова, ни эсэмэски. Ни-че-го.

Но Кира справилась. Наказала себя и справилась. Наказала за глупость, за любовь, за споры с мамой: «Ты же интеллигентная женщина! Мама, ты ведь Руставели читала, Айтматова, Новои! Откуда в тебе шовинизм?!».

Кира перестала краситься. Своей яркой, нарядной одеждой набила несколько пакетов и отнесла к мусорнику. Все, наказана. Тушь, помада, румяна, кремы... все вон. Наказана. Посиделки с подружками за мартини, дискотеки, тусовки – все в прошлом. Наказана. Мама сказала пойти в партию: «Чтобы карьеру делать и с людьми достойными общаться». Пошла. Мама плохого не посоветует. И тут – Макар Евграфович. Подарок небес.

Самохин открыл дверь сразу, едва Кира прикоснулась к звонку. Наверное, ждал ее прихода.

– Что-то ты, девочка моя, сегодня припозднилась, – забурчал старик. – С самого утра тебя жду.

Кира засмеялась. Ей нравилось, когда он ворчал. Он беспокоился о ней, ждал. Все это создавало иллюзию семьи, которой, фактически, у Киры никогда не было. Что мама, что бабушка, обе были холодны с ней, словно чужие. В детстве Кира фантазировала, что ее в роддоме подменили, и настоящие мама с папой, бабушка с дедушкой ищут ее. А как найдут, обнимут, расцелуют, заплачут от счастья и заберут в дом, где будет любовь. Когда стала старше, поняла, что ничего такого не будет, и эти две чужие женщины – бабушка и мама – и есть ее семья.

Став еще старше, Кира стала их даже жалеть. Ни подруг у них, ни близких людей. У мамы, так и вовсе, мужа никогда не было. Ну да бог с ними. Теперь у нее есть ворчун Макар Евграфович.

– Ну-ну, не брюзжите, я вот она, приехала, – Кира весело болтала и выкладывала на стол купленные продукты. – У нас с вами сегодня праздник. Я рыбку красную купила.

– Это что за повод такой, Кирочка? Вроде не Новый год и не Рождество. Да и до моего дня рождения еще месяц.

Кира быстро накрыла на стол, достала из комода графинчик с водкой.

– Ого, – удивился Самохин. – Ну, в таком случае, изволь меня подождать.

И он вышел из кухни.

А когда вернулся, Кира восторженно ахнула. Он был одет в парадный мундир. Медали, прикрепленные к кителю, гордо блестели и придавали посиделке особую торжественность.

– Ну милая барышня, раз банкет, значит банкет! – он попытался лихо козырнуть, но получилось плохо.

У Киры от жалости защемило сердце. Она тряхнула головой и ринулась разливать по стопкам водку, но Макар Евграфович гневно ее остановил:

– Это что такое? За столом что, мужчины нету? – и чуть трясущимися руками налил спиртное в рюмки.

– Тогда с меня тост, – Кира очень волновалась. У старика большое сердце и неизвестно, как он воспримет новость. – Дорогой Макар Евграфович. Я хочу выпить за то, что вы действительно не одиноки.

– Конечно, не одинок. У меня есть ты, Кирочка, – старик засмеялся дребезжащим смехом.

– Конечно, – растрогалась Кира. – Но скажите мне, пожалуйста, вам о чем-нибудь говорит название деревни Убибатьки? – спросила она, дождавшись, пока старик выпьет рюмку.

– Господи, конечно. Мы ее освобождали. Меня там ранило, я почти две недели в одной хате отлеживался. Мы подружились с ребятами из партизанского отряда, с Олесем, Устином, – у Самохина глаза подернулись влагой. – Как нас встречали, как любили! Мы же спасители, освободители. Они так пострадали. У них и фашисты были, и каратели, и власовцы. А потом еще завиноватили, что во время войны они оказались на временно оккупированной территории. Я помню, меня Олесь после войны нашел, жаловался, что в партию не берут из-за этого. А почему ты, дочка, про Убибатьки спросила?

– А романа у вас любовного там не было? – вопросом на вопрос ответила Кира.

– Романа, говоришь? – смутился Самохин и надолго задумался. – Романа не было, а любовь была. Короткая, но страстная и настоящая.

Он снова наполнил рюмки, выпил сам, немного помолчал и начал рассказ.

«Я уже сказал, что мы освобождали Белоруссию, шли через деревеньку Убибатьки. И там один из власовцев меня ранил. История моя не оригинальна. Выживала меня Катерина.

Она постарше меня была. Красивая, гордая. Муж у нее в первые дни войны погиб. У нас такая любовь случилась! Потом я оклемался, догнал свою воинскую часть.

А в сорок пятом на Дальний Восток на войну отправился. Переписывались вначале, а потом потерялись. Я в сорок седьмом приехал в Убибатьки, но Катюша оттуда уехала. Куда, никто не знал. Так и потерялись. Я через пару лет женился, прожили с женой почти сорок лет. Детей у нас не было. Бог не дал. Наверное, за то, что жил без любви. Уважал жену, жалел ее, никогда не изменял, но сердце всегда принадлежало только Катюше».

– А я узнала, Макар Евграфович, что Катерина родила от вас дочку, – медленно проговорила Кира, внимательно наблюдая за стариком. Как бы ему плохо не стало!

Самохин схватился за край стола. Кира моментально взяла с полки пузырек, вытрясла из него таблетку, разжала старику губы и засунула лекарство в рот.

Через некоторое время по морщинистому лицу потекли слезы. Они текли и текли, зависали на подбородке, скапливались там и, когда достигали критической массы, срывались и капали на колени.

Наконец, старик постепенно успокоился, сходил в ванную комнату, умылся и снова вернулся на кухню.

– Моя дочь жива? Где она? – спросил Самохин.

– Я этого пока не знаю. Но одно очень хорошее детективное агентство обещало мне все разузнать, – Кира присела на корточки около Макара Евграфовича и положила голову ему на колени. – Но мне кажется, что жива. Ведь не просто так соцслужба говорит, что вы не одиноки.

Их идиллия была прервана звонком в дверь.

На пороге стояла комичная пара. Низенькая немолодая дама и такого же роста спутник. На ней был «романтический» наряд – белая кружевная юбка на белой подкладке, плотно обтягивающая ее полные бедра, белая блузка с жабо, белые туфли. В руках она держала кружевной белый зонтик. Мужчина, сопровождающий ее, был тоже в белом.

Но не это было смешным. Комизм заключался в следующем: у дамы было приятное интеллигентное лицо, напоминавшее Ларису Рубальскую. Партнер же ее имел совершенно бандитскую физиономию: свернутый на бок нос, невыразительные прозрачные глаза и, самое главное, взгляд – холодный, бесстрастный.

– Добрый день, – сказала дама недовольно. – А Макар Евграфович дома?

Не дожидаясь ответа, пара вошла в квартиру. Кира отступила в сторону.

Они прошли на кухню. Увидев пиршество, дама визгливо запрочитала:

– Это что же за пьянка у вас, дорогой мой? У вас же сердце. А вы, дамочка, – «белоснежка» развернулась к ней всем корпусом, – потрудитесь объяснить, что здесь происходит.

Кира, будучи мягким и абсолютно безвольным, как ей казалось, человеком, внезапно возмутилась:

– А почему, собственно, я должна давать вам отчет? Это наше дело.

– Фу ты, ну ты! Надо же! Это не ваше дело, а наше, – дама покрутила в руках рюмку, понюхала ее и брезгливо вернула на стол.

– Подождите, – остановил их Макар Евграфович. – Давайте я все объясню. Это Кира, моя подруга. А это Соломон Исаевич Кац, мой лечащий врач, и Софья Борисовна, его супруга.

Глава 5

Аллочка Кучинская была очень несчастлива в личной жизни. Ей казалось, такого невезения, как у нее, нет больше ни у кого на свете.

Она всегда была хороша собой, ее красоту не испортил даже переходный возраст. Когда ее подруги втихаря давили прыщи и прижигали их салициловым спиртом, Алла радовала глаз нежной бархатной кожей. На нее заглядывались даже старшеклассники.

Она выбрала самого крутого из них, Пашку Капницкого. По нему сохли все девчонки не только их, но и соседней школы. Помимо выдающейся внешности у него были завидные родители. Папа занимался бизнесом, мама работала в мэрии. На совершеннолетие он стал обладателем шикарной Вольво, и до самого своего выпускного привозил Аллочку в школу на автомобиле.

Они провели вместе сказочное лето, потом она вернулась доучиваться в школу, Павел же поступил в Тюменский государственный нефтегазовый университет и исчез с ее горизонта.

Потом она познакомилась с Игорем Матвеевым. Они встречались целый год, он поступил в военное училище, и их встречи сами собой сошли на нет.

Затем полгода встреч с Григорием Норкиным закончились его отъездом в Израиль.

Алла проплакала несколько дней, потом познакомилась с Вагитом. С ним она была абсолютно счастлива несколько месяцев, но случайно выяснилось, что он находится в федеральном розыске.

Потом Игорь, Валера, Платон Исаевич... И со всеми одно и то же: женат, командировочный, наличие мамы, считающей Аллу не парой своему драгоценному сыночку и т.д. и т.п.

Потом был чудесный мужчина, который сразу честно сказал, что женат, но собирается разводиться. Нужно только дождаться, пока дочь окончит школу. Ждать придется всего пару лет, и их отношениям это мешать не будет. И правда, очень часто Матвей оставался у нее ночевать, и никакая жена ему не названивала.

А потом он пропал, просто не пришел однажды вечером и все. Через некоторое время зареванная Аллочка, обзвонившая все больницы и морги, получила эсэмэску со словами: «Прости. Я остаюсь с женой. У нее проблемы со здоровьем. Мне было хорошо с тобой». Удар был страшным. Однако Алла перенесла и это. Поплакала, но смирилась. Что делать, больная жена – дело святое.

Как-то она встретила одноклассницу Ленку Борисову. Та вела за руку малыша, а впереди себя толкала коляску еще с одним.

– Ой, Алка, привет, – искренне обрадовалась та. – С ума сойти, какая ты красавица! Как ты, где ты?

Они немного поболтали, Алла выяснила, что Лена уже шесть лет замужем, у нее два карапуза, поэтому, к сожалению, не доучилась.

– Ой, а Танька Кузьмина поступила в медицинский, вышла там замуж за профессора. А Маринка уже второй раз вышла замуж. Причем, ты не поверишь, – Елена вытаращила глаза, – она со своим вторым мужем познакомилась, будучи беременной!

Алле захотелось плакать. Все замужем, даже беременных разбирают. Что с ней не так? И удвоила усилия по поиску потенциального мужа.

И вот, казалось, она сорвала джек-пот. Аллочка встретила невероятного мужчину, Артема Селиванова. Он окончил Бауманку, и за блестящую учебу был оставлен работать на кафедре. С ним Алла была по-настоящему счастлива. Он настоял на том, чтобы она пошла учиться в колледж на секретаря-референта, и помог устроиться на работу.

Летом они ездили на Байкал. Вечерами сидели, обнявшись, на берегу и, замерев от восторга, наблюдали за гладью озера. Им казалось, что время остановилось, они забыли о проблемах, оставшихся где-то там далеко, о нескончаемых неотложных делах и вечной суете. Они словно вернулись к ней, матушке-природе. Над ними было бездонное небо, перед ними – кристально-прозрачная вода. Им, как детям, было все интересно: горы и утесы, скалы и пещеры, луга и тайга. А, главное, воздух – такой хрустально чистый, что, казалось, его можно пить. А запахи... а звезды...

Вместе они ездили на рыбалку, хотя Аллочка и не любила смотреть, как бедная рыба бьется на дне лодки. Она ее жалела. Пойманная и выброшенная на берег, беспомощно раздувающая жабры и хватаящая рваным ртом воздух, рыба напоминала девушке ее саму.

Домой они вернулись одухотворенные, наполненные невероятной энергией этого мистического места. Алла была абсолютно уверена, что Артем сделает ей предложение. Но это оказалось не так.

– Ты знаешь, малыш, нам придется временно не встречаться, – сказал он, поправляя перед зеркалом узел галстука.

– Что значит «временно»? – поникла Алла.

– Временно – это значит временно. У меня, Алусик, очень большие планы на жизнь. На карьеру. Поэтому надо работать, засучив рукава, – он шутливо дотронулся до кончика Аллиного носа.

И пропал, как и все остальные мужчины.

Алла звонила, умоляла, унижалась... и при этом надеялась, что через некоторое время Селиванов соскучится, и их отношения вернуться в прежнее русло. Надеялась до тех пор, пока однажды не увидела его с другой.

Дело было так. Алла решила подождать любимого у его альма-матер. Отпросившись с работы пораньше, она устроилась на скамейке около универа. Но Артем вышел оттуда не один. С ним была невероятно высокая тощая брюнетка. Селиванов и сам-то был немаленького роста, но рядом с этой «шпалой» он как-то потерялся. Но его это, судя по всему, не смущало. Артем буквально прилип к великанше. Притянул ее за голову и впился в губы жадным ртом. Она оттолкнула его, засмеялась, но Селиванов снова стал ее целовать.

Алла закатила им скандал и ушла с гордо поднятой головой. Ждала звонка Артема и дождалась. Она была уверена, что Селиванов станет молить о прощении, и после некоторого сопротивления он его получит. Но из трубки понеслась брань. Завершая разговор, он выдал следующую тираду:

– Ты вообще что ли дура? Ты что, думаешь, глаза коровьи покрасила, сиськи вперед выставила и «золотой мальчик» у тебя в кармане?! Чтоб я тебя больше не видел и не слышал, а то пожалеешь.

Это был удар такой силы, что Аллочка словно заледенела. Она автоматически ходила на работу, по привычке выполняла свои обязанности, а потом приходила домой и часами сидела, уставившись в одну точку.

Прошла зима, заканчивалась весна, а боль не отступала.

– Клин клином вышибают, или подобное лечится подобным. Ты что, не слышала об этом? – возмутилась ее всегда веселая соседка по дому Маргарита Колосова. – Давай я тебя с отличным мужиком познакомлю! Он в мэрии работает, в каком-то строительном отделе. Андреем Степановичем зовут.

– Да не хочу я никаких знакомств! Они у меня все уже вот тут! – и Алла ребром ладони провела по шее.

– Нет, вы только посмотрите на нее. Не хочет она знакомств! Ты что, хочешь, чтобы твой Артем радовался, что ты по нему сохнешь?

– Мне все равно. Пусть радуется, – Алла опустила голову.

– Ты только представь: идет твой Селиванов с этой дылдой, а навстречу ему ты с Андреем Степановичем под руку. Он поворачивается к тебе, становится на одно колено и протягивает тебе бархатную коробочку со словами: «Аллочка, я старый солдат и не знаю слов любви, но когда я увидел тебя...» Где-то я слышала эти слова, – Маргарита на секунду задумалась, потом махнула рукой и продолжила. – Одним словом, делает тебе предложение на глазах изумленной публики. Ну и главное, конечно, на глазах у Селиванова. Тот понимает, что потерял тебя, жить без тебя не может, локти кусает... но поздно. Он бросает свою кикимору и оплакивает свою горькую судьбину всю оставшуюся жизнь.

Алла улыбнулась шутке. Впрочем, нарисованная соседкой перспектива, пусть и преувеличенная, показалась ей чрезвычайно заманчивой.

– Ладно, знакомь. А он сам-то знает, что ты задумала? И потом, он большой человек, а я секретарша, – пренебрежительно хмыкнула она.

– Ой, да вообще не вопрос! Все будет путем. Любой будет счастлив такую красотку заполучить, – беспечно махнула рукой Маргарита.

Алла и Андрей познакомились и понравились друг другу. Спустя пару месяцев Алла почувствовала, как стала оттаивать. Нет, Артема она, конечно, не забыла. Но острая фаза страданий прошла.

Андрей, правда, сказал, что женат, поэтому не может выводить Аллу в свет, но скоро эта проблема решится. И она снова, в который раз поверила. Нет, в самом деле, не станет же врать человек, который занимает такую солидную должность. Да и, потом, не пацан ведь, чтобы обманывать.

И тут опять, как на грех, она встретила ту самую одноклассницу, Ленку Борисову. И та снова была в окружении карапузов.

– Слышала, Темка Селиванов женится на следующей неделе? – сразу без предисловий выпалила она. – Праздновать будут в «Праге». Представляешь? – она стрельнула на Аллу острым взглядом, мол, как тебе новость.

То, что у Аллы с Селивановым был сумасшедший роман, знала, наверное, вся Москва. Еще бы, такая видная пара.

У Алочки зануло сердце. Это надо же! Думала, что все прошло, а, оказывается, нет. Она тряхнула головой и постаралась сказать как можно более равнодушным голосом:

– Очень рада за него. А он что, клад нашел? Это же сумасшедше дорого, праздновать в «Праге». Откуда у него такие бабки?

«Прага» была модным тусовочным клубом. Один только входной билет туда стоил немислимых денег. А уж во сколько обойдется свадебное торжество, даже подумать страшно.

– Да перестань! Для него бабки вообще не проблема. Его невеста – единственная дочка президента банка, который все время в рекламе вертится. Не президент вертится, конечно, а банк. Ну, который вклады под большие проценты принимает. Селиванов совсем недавно с дочкой банкира познакомился, вроде даже месяц назад, и вдруг – бац, женится! Понятно, что нужно было ковать железо пока горячо. Кто ж такой шанс упустил бы? Ой, да что я все тарахчу и тарахчу. Ты-то как?

Алла не могла больше выносить своей неполноценности.

– Я тоже замуж скоро собираюсь, – брякнула она, надеясь, что теперь-то Ленка от нее отстанет.

– Поздравляю, я так рада! А то наши между собой треплются, мол, такая красивая, мужиков до Чукотки раком не переставишь. А замуж никто не берет, – Ленка послушавила носовой платок и стала вытирать им чумадые щеки карапуза, сидящего в коляске.

Алла аж зубами от злости скрипнула. Интересно, Ленка всегда была такой бестактной?

– Я могла бы выйти замуж уже давно. А если не вышла, то не потому, что меня никто не берет, а потому что я выбираю, – ей хотелось плакать.

– Кто ж спорит, – Алле показалось, что в голосе одноклассницы слышится насмешка. – А сейчас, значит, выбрала. Ну и кто сей счастливцев?

– Ты его, наверное, не знаешь. Он в мэрии возглавляет строительную комиссию. В общем, главный там по строительным конкурсам, – сказала Алла небрежно, от всей души надеясь, что утерла нос противной Ленке.

– Так это, может, Андрей Астапов? – почему то обрадовалась Борисова.

Алла моментально покраснела:

– Ну да, Астапов. А ты его откуда знаешь?

– Ты с ума сошла! Откуда я знаю?! Да он начальник моего мужа. А что, он мужик клевый. Молодой, разведенный, красавчик.

– Что значит «разведенный»? – насторожилась Алла.

– Разведенный, и уже давно. А ты что думала, что он не был женат? Такой красотиля? – и Ленка захохотала.

Кучинская обмерла. Ведь Андрей говорил, что женат. И поэтому не может строить с Аллой планы на совместное будущее. И в свет ее выводить не может, нужно соблюдать приличия, пока не разведется.

Малыш захныкал. Старший ребенок подошел к коляске и стал ее качать, помогая матери успокоить капризника.

– Мы же сколько раз вместе на тусовках были, – продолжила Борисова. – Он давно разведенный, на банкет очень часто приходил с разными дамами, а в последнее время, где-то с полгода, все время с одной ходит. Ой!

Ленка, наконец, заметила, как побледнела Алла.

– Ой, а может, это и не тот Астапов? Да, – она сосредоточенно принялась качать коляску с еще большей силой, – точно не тот. Ну все, пока, нам надо бежать.

Она чмокнула Аллочку в щеку и убежала.

Кучинская на негнущихся ногах подошла к скамейке, села на нее, обхватила голову руками и громко завывала. Проходящие мимо люди посматривали на нее с неодобрением, а один даже заснял ее отчаяние на мобильный телефон. Она плакала и думала, что с ней не так, и была абсолютно несчастна. А потом дала себе слово навсегда покончить с мыслью о браке, как ненужной и вредоносной.

Глава 6

– А я вам говорю, девушка, я точно знаю, что эта лярва спит со всеми подряд. И прошу вас, как партию, чтобы вы ее выследили и сфотографировали с хахалями. Тогда я на нее быстро управу найду, – говорила старуха с сильно накрашенными бровями и обведенными ярким контуром губами.

– Послушайте, я же вам русским языком объясняю, что мы не занимаемся слежками. Мы – не детективное агентство. Мы – общественная приемная партии «Народная власть». И наша задача помочь людям в решении их проблем, – Кира чуть не плакала.

– А я кто? Не люди? У меня не проблема? Если от маво сына невестка налево бежит и дитя рожать не собирается, это что, ерунда? – старуха достала из сумки залапанную фотографию и стала тыкать ею Кире в лицо. – Вы не отворачивайтесь, а посмотрите на эту бесстыжую морду!

– Послушайте, – Кира старалась быть терпеливой, – слежками занимаются полиция и детективные агентства. Мы же помогаем подъезды чинить, детские площадки ремонтировать, с коммунальщиками разбираться и так далее.

– Не хотите, значит, помочь, – сказала, вставая, Зоя Павловна Орефьева. – Ну ничего, я сама разберусь. Я сваво сына сумею защитить.

И старуха гордо удалилась.

Кира с облегчением откинулась на стуле.

Красавица Аллочка, хорошенькая, как Мишель Мерсье в роли Анжелики, участливо вздохнула.

– Да, дураков на свете много. Бедная та невестка, скажу я тебе. У таких властных мамаш, как правило, сынки – самые настоящие тютю. Тогда простительно, что жена от него гуляет.

– Ну почему сразу гуляет? – не согласилась с ней смешная девчонка Глафира.

Она была потешной. Ей хотелось выглядеть старше и круче. Рваные джинсы, пирсинг, мальчишечья стрижка... Гаврош, одним словом, ну, или Гаврошка, если говорить о девушке.

– Просто эта гримза, небось, ей замену подыскала. Такую, чтобы мамашке в рот смотрела, – сказала Глаша со знанием дела.

– Господи, какие познания в семейной жизни! – возмутилась Аллочка– Анжелика. – Вы хоть немного на свете поживите, опыта наберитесь, а потом уже про других рассуждайте. Терпеть не могу этих малолеток, – это она уже обратилась к Кире. – Прямо все знают, только жвачку переложат из одного угла рта в другой и сразу ответ дадут.

– Зато вы, пожилые, – Глаша сделала акцент на слове «пожилые», – только все по психологии трете, а сами замуж выйти никак не можете.

Аллочка вскочила со своего места и ринулась на обидчицу.

– Э, бабы, вы чего? Стоп! – заорал Торопов и ринулся разнимать скандалисток. Он схватил Аллу за талию и оттянул от задиристо выпятившей грудь Глафиры.

Аллочка визжала и пыталась вырваться, от чего сделалась жалкой и некрасивой. Кира подошла к Глаше и, чеканя слова, громко произнесла:

– Глафира, я требую, чтобы ты немедленно извинилась перед Аллой. Немедленно!

В комнате мгновенно воцарилась тишина. Так силен был контраст между тихим голосом, робкими манерами, опущенными глазами, чем всегда отличалась Кира, и резким, командным голосом, который все услышали сейчас. Аллочка перестала визжать, Глафира разинула рот, а Торопов, присвистнув, с удивлением уставился на коллегу.

В это время в коридоре раздались голоса, и в офис вошла делегация, состоящая из руководства партии «Народная власть».

Похлебкин был в брюках и красной клетчатой рубашке с одним закатанным рукавом и распахнутым воротом. Антон Семенович Востриков был одет еще более демократично, вместо брюк на нем были джинсы. Рукав зеленой рубахи был завернут по локоть. Такая рубаха – клетчатая, как у обычного народа, – с недавних пор стала символом партии. Поэтому и Капельман был одет точно так же. Это выглядело несколько комично.

Правда, размышлять об этом Кире было некогда. Делегация была внушительной. Помимо мужчин в офис «Искры» прибыли и Элла Эльдаровна Обозова– Вострикова, и даже главный имиджмейкер Тамара Максимовна Бородина.

– Оп, картина Репина «Приплыли», – захохотал Олег Витальевич.

Остальные члены правления его радости не разделили.

– А что у вас тут происходит? Вы что, хотите опозорить нас перед всем городом? Что за скандал? Где люди, с которыми вы работаете? Где ходоки? – завизжал Обозов.

Торопов отпустил Кучинскую и одернул пиджак. Аллочка подняла руки и стала поправлять прическу. Пуговицы блузки, плотно обхватившей ее грудь, угрожающе затрещали, грозя оторваться.

– А я предупреждала, что такую самостоятельность филиалам давать нельзя, – развернувшись всем корпусом к мужу, сердито сказала Элла Эльдаровна.

– Сергей Ефимович, ты здесь главный. Может, потрудишься объяснить, что происходит? – обращаясь к Торопову, Востриков был не на шутку зол. – И где все? Где страждущий справедливости народ? Где еще один ваш волонтер? Как ее там зовут? Ну, которая врач?

– Антон Семенович, сегодня у нас неприятный день. Среда. В нашем филиале это выходной. Мы собрались здесь только потому, что вчера вечером не было электричества, и мы не успели закончить отчеты. Поэтому и нет Татьяны Митрофановны Сологубовой, врача. Она сегодня на службе. А мы все равно работаем, – пояснил Торопов.

– Ладно, – смутился Востриков. – Что-то я перепутал все на свете. Мне казалось, что у вас выходной в понедельник. А это в «Возрождении». А что тогда за баба отсюда выскочила, как ошпаренная, раз неприятный день?

– Это посетительница, Зоя Павловна Орефьева. Она ни у кого не спрашивает разрешения, когда приходит, – встряла в разговор Кира. – Уже не раз скандалила.

– Ну хорошо, проехали, замнем для ясности, – благодушно сказал Олег Витальевич. – Покажите-ка, как вы здесь устроились.

И он принялся методично заглядывать во все закоулки офиса «Искры».

– Что ж, неплохо. Но чего-то не хватает, чего-то на стенах мало. Только пару жалких графиков, – вынес он вердикт.

В это время зашел Вениамин, нагруженный скрученными листами ватмана.

– А вот и я, – с порога заявил он. – Ваша мама пришла, молочка принесла. Ой...

Увидев сразу столько начальников в небольшом помещении, Вениамин смутился.

– Вот и недостающее звено. Плакаты, – потер руки Капельман. – Сейчас будет хватать всего.

– Мне не нравится, как вы выглядите, – сказала Тамара Максимовна членам «Искры». – У вас нет единого стиля, нет узнаваемости.

– Стилль – это ваше дело. Я что, за свои бабки буду такую одежду напяливать, чтобы вам понравиться? – с нарывом сказала Глафира.

«Вот же ежик», – подумала Кира. Она не понимала такой резкости и удивлялась ей. Она сама никогда, даже в сложный переходный период, с людьми, старше ее по возрасту и статусу, так себя не вела. Да у нее бы этого и не получилось. Мама очень жестко ее прессовала, контролировала каждый шаг и была скоро на расправу. Кира ее сильно боялась, поэтому старалась вести себя тише воды и ниже травы.

Хотя мать ей было почему-то жалко. Однажды мама познакомила ее со щеголеватым мужчиной. Он был старше матери, красил волосы и улыбался, обнажая крупные лошадиные зубы. Дядька Кире не понравился, при встрече он смотрел на нее умильным взглядом и целовал большим влажным ртом. Однажды мама увидела, как Кира вытерла щеку после его поцелуя, и вечером перед сном залепила пощечину:

– Ты что, маленькая идиотка, хочешь, чтобы Иван Семенович меня бросил? Хочешь, чтобы я всю жизнь одна прокуковала с тобой, спиногрызкой?

Кира сильно плакала, ей было страшно. Мать пугала ее детдомом, рыдала, воздевала руки к небу. В дальнейшем Кира мокрые после поцелуя щеки не вытирала, послушно читала стихи по просьбе Ивана Семенович, рассказывала ему о школьных успехах, и мать успокоилась. Иногда она даже гладила Киру по голове, отчего та вздрагивала и вжимала голову в плечи. Иван Семенович был в их жизни около пяти лет. А когда он ушел, Кира уже выросла, и мать перестала поднимать на нее руку.

– Нет, мне просто интересно, у нас что, нет нормальных волонтеров? Неужели мы должны привлекать таких малолетних хамок? А какая у нее лексика? – возмутилась Обозова–Вострикова.

– Ну, ну, дорогая Элла Эльдаровна, – примирительно сказал Похлебкин, – нам нужны разноплановые волонтеры, к нам и просители приходят разные.

– А если она нахамит какому-нибудь просителю? Представляете, какой репутационный удар по партии? – не согласилась она.

– Да что вы, она с посетителями, знаете, как вежливо разговаривает? Сам слышал, – вступился за Глафиру Вениамин.

– Ладно, мы не за этим пришли, – продолжила речь Тамара Максимовна. – Мы насчет вашего внешнего вида. Вы, наверное, уже поняли, что наш фирменный стиль – это рубашка с закатанными рукавами. Вернее, с одним закатанным рукавом.

– В том смысле, что у нас даже нет времени закатать второй рукав, так мы заняты работой на благо народа, – встрял Похлебкин.

– Ну да, мы пробовали закатать два рукава, а потом решили, что один – это круче, так лучше запоминается, – сказал Капельман, обращаясь к Торопову.

– Маразм какой-то, – пробормотала Кира.

– Так что завтра вы все получите фирменные рубашки. А Вениамин должен закончить развешивать плакаты. Через недельку ожидайте прихода прессы, – сказал Востриков, выдвинув вперед челюсть, уже совершенно успокоившись.

– И будьте так добры, господин Торопов, наладьте дисциплину у себя в ячейке! – подвела итог Обозова– Вострикова, тряхнув серьгами с большими красными камнями.

И делегация в полном составе покинула «Искру».

– Слава богу, умотались, – проворчала Глафира.

Торопов подошел к Кириному столу и присвистнул:

– Что это за красотка на фотке? Прямо модель!

– Невестка Зои Павловны. Старуха тыкала мне в лицо этой фотографией, пытаюсь убедить, что на ней запечатлена шалава, – покачала головой Кира.

Все сгрудились вокруг Торопова, пытаюсь разглядеть красавицу-модель.

На фото была изображена настоящая сирена: зеленые глаза (могли быть линзы), густые темные волосы (могли быть наращены), загнутые ресницы (явно наращены), полные губы (возможно, накачаны), большая грудь (без комментариев). И, несмотря на всю ненатуральность, а может быть, именно поэтому, она выглядела потрясающе.

– Обалдеть! – присвистнул восхищенный Вениамин.

– Резиновая кукла, – вынесла вердикт Глафира.

– Ухоженная, – тихо сказала Кира.

– Я ж говорю – модель! – подвел итог Торопов.

И только Алла промолчала.

Глава 7

Назира, подруга Глафиры, впервые в жизни не знала, что делать. Ей хотелось удачно выйти замуж, то есть быть богатой, ходить по тусовкам, спать до обеда, одеваться в бренды. При этом она понимала: чтобы захомутать крутого мужика, нужно из себя что-то представлять.

Девочкой она была умной, хваткой и оборотистой. И понимала, где крутятся большие деньги.

Поэтому решила делать карьеру в политике, в хитросплетениях которой ничегошеньки не понимала. Да в принципе, это абсолютно неважно. Нужно было всеми правдами-неправдами сделать так, чтобы ее заметили и взяли в правление партии. Ну, или как у них называется самая верхушка. Только там можно найти достойный экземпляр для замужества.

Чтобы продвинуться по партийной лестнице, необходимо проявлять себя сейчас, до выборов. Потому что после них рядового партийца просто забудут.

Значит, нужно выслуживаться, мелькать у начальства перед глазами, создавать видимость деятельности, хвататься за самые трудные задачи... А ее поставили работать с жалобами граждан в приемной. И вот это полная засада: откажешься – на карьере крест, не откажешься – тоже крест. Ну кто там тебя увидит, кто оценит? И что делать?

Назире нравилось приходить к Глашке в «Искру». Там было как-то по-домашнему. Не то, что в ее филиале. А вот интересно, как правильно назвать то, чем они занимаются? Ведут прием? Работают? Наверное, все-таки, работают. Вернее, пашут.

В «Искре» тетки не занудные. И мужичок неплохой. Назира положила на него глаз. У него интересный вид: седые виски, морщинки вокруг глаз... Чем-то на Мэла Гибсона похож, хотя, у того глаза жестче. А этот клевый, девчонки обзавидовались бы. А то, что он женат – это еще круче. Правда, машина у него никуда не годится. Какой-то Опель. Они с Глашкой его так и прозвали: Опель– Попель.

«Надо подождать», – решила она. Во-первых, осмотреться, вдруг кто покруче на горизонте нарисует. Во-вторых, посмотреть перспективы Попеля, вдруг он не собирается делать карьеру в партии, а и правда думает людям помогать. Вдруг он блаженный какой-то. Хорошо

бы, конечно, Похлебкина захомутать. Но Назира была реалисткой. Олег Витальевич, как говорила бабушка, «не твой размерчик».

Глафиры все не было, и Назира стала рыться у нее в столе. Сейчас закончится обеденный перерыв, и «Искра» заполнится людьми. Вон сколько страждущих в коридоре! И на что только надеются? Назира презирала таких людей, она привыкла всего добиваться сама. Ходить попрошайничать – точно не для нее. На верхней полке тумбочки лежал блокнот. Назира только начала его пролистывать, как в кабинет вбежала Глафира. Увидев, чем занята ее подруга, она закричала:

– Ты что, оборзела?! Ты че по моим вещам шарисься?

– Чего ты орешь? Подумаешь, на полках порылась. Мне просто нечего было делать. Ты моя подруга, и у нас с тобой нет секретов друг от друга. Или у тебя есть?

Глафира смешалась. Вот так всегда. Назира действовала на нее парализующе. Она была такой уверенной в себе, такой самодостаточной. Она всегда знала, чего хочет, и всегда добивалась этого. Рядом с ней Глаша чувствовала себя какой-то слабой, второсортной.

– Ладно, замяли. А ты чего пришла-то? – сбавила она тон.

– Просто. Пришла на вашего Попеля посмотреть. Ничего мужик, вроде, – заинтересованно сказала Назира.

– Ты что? Он же старый! – оторопела Глаша.

– Дура ты, Глафира Радова. Тут вопрос не в старый – не старый, а в том, состоятельный или не состоятельный, а вернее, перспективный или нет. Мы зачем в партию пришли? – Назира закинула Глашин блокнот в тумбочку, захлопнула дверцу и прошла по офису. – Мы пришли, чтобы устроить свою жизнь. И нам нужно пробиться туда, наверх.

Она подняла указательный палец, показывая, куда следует стремиться.

Если бы она только могла знать, чем закончится это ее стремление.

– Не вечно же в общественной приемной сидеть, – Назира презрительно скривила губы. – А это значит, что нас интересуют перспективные мужики.

– Разве Опель–Попель перспективный? – спросила Глафира.

– Да не знаю. Надо выяснить. Если нет, то и время тратить не будем.

В это время в офис зашел объект Назириного интереса. Кивнув головой, он включил телевизор и прошел на свое место.

Назира уставилась на него немигающим взглядом. Да, он весьма и весьма...

Сразу же появились Тетка и Памела. Кира – моль бесцветная, ни груди на попы, зато у Аллы, или Аллочки, как ее все тут называют, всего с избытком. Оборжаться! Глашка рассказывала, что недавно с этой Аллочкой сцепилась. А что, подруга права. Ни одна из этих баб не замужем, похоже, что и с любовниками не очень. Неудачницы! А еще других учат.

Зашла еще одна бабенка, подруги прозвали ее Врачихой.

– Ой, Татьяна Митрофановна, добрый день. Как вас давно не было, – обрадовалась Кира, то есть, Тетка.

«Блаженная», – в который раз подумала о ней Назира.

– У меня очень много дежурств. Сейчас же время отпусков. Я, честно говоря, по вам уже соскучилась. Вот, по дороге пирожков купила. Так что ставьте кофе.

Назира подошла к столу, покрутилась там, надкусила пирожок, внимательно посмотрела, как Попель отреагировал на Врачиху и, успокоившись, плюхнулась на стул рядом с Тороповым.

В это время в офис вбежал Вениамин. Зыркнул по сторонам, отыскал взглядом Глафиру, улыбнулся ей и закричал:

– Быстро включайте телик!

– Да включен он, что ты кричишь? – осадил его Сологубова.

– Тихо! – крикнул Торопов, делая телевизор громче.

На экране что-то происходило: из окна какой-то квартиры вырывался огонь, рядом с домом стояла куча зевак. Подъехали две пожарные машины, полиция, скорые. На переднем плане появился Похлебкин и решительно двинулся к журналистам. Все сотрудники офиса «Искра» сгрудились перед экраном телевизора.

Сергей Торопов окаменел. Он узнал место пожара. Это полыхала та «точка», которую партия «Народная власть» поклялась закрыть. И теперь она горела ясным пламенем!

Лидер партии «Народная власть» стоял перед камерами с мужественным лицом, испачканным копотью. Эта копоть чудесным образом сочеталась с небольшой щетиной, голубыми глазами, белозубой улыбкой и закатанным рукавом рубашки Олега Витальевича. Не хватало только ребенка на руках, вынесенного мужественным красавцем из горящей квартиры.

– Серьезный пожар возник на улице Победы. Хотим предоставить слово очевидцу происшествия, лидеру партии «Народная власть» Олегу Витальевичу Похлебкину, – журналистка резко протянула руку с микрофоном к его лицу.

– Наша партия «Народная власть» никогда не занималась популизмом. Мы всегда обещали решить вроде небольшие, но такие важные для обычного человека проблемы. Одна из таких проблем – так называемая «точка» на улице Победы. С недавнего времени она стала настоящей проблемой Первомайского района.

– Жильцы жаловались вам на безобразия, творящееся там? – спросила журналистка. Это была рослая мужеподобная девица лет двадцати пяти. На ней была линялая майка и широкие джинсы, только каким-то чудом держащиеся на бедрах.

Похлебкин горько усмехнулся:

– Жаловались! Они стучались во все двери уже давно. Но никто эту проблему не решал. Неделю назад жильцы этого многострадального дома обратились к нам, в одну из приемных партии «Народная власть». И за урегулирование этого вопроса взялись мы. И мы вскрыли этот нарыв, эту язву! – его глаза горели праведным гневом.

Однопартийцы из «Искры» невольно им залюбовались.

– Так что же случилось сегодня? – журналистка микрофоном лезла ему прямо в рот.

– Сегодня мы пришли с рейдом в этот рассадник зла. Не в первый раз, между прочим. И увидели, как из-под двери выбивается огонь. Я бросился тушить, и к моменту приезда пожарных пламя было локализовано.

Похлебкин устало вытер тыльной стороной ладони безупречный лоб.

– Как же вам это удалось? – журналистка проявляла заинтересованность, хотя видно было, как у нее от скуки сводит скулы.

– Я ворвался в квартиру, сорвал занавеску и начал ею сбивать пламя, – Олег Витальевич скромно потупил глаза.

– Но это не главное, – вскинулся он. – Главное, чтобы эта «точка» больше никогда не возобновляла свою работу. Поэтому мы с товарищами выставим у квартиры десант.

Похлебкин подвинулся, и рядом с ним в кадре возник Антон Семенович Востриков.

– Возможно, это поджог, и мы не знаем, кто это сделал. Или отчаявшиеся найти правду жители района, или выплакавшие все слезы матери и жены, чьи мужья несли последнюю копейку в этот притон, – это уже выступил с заявлениями Востриков. – А может, это сами преступники, спаивающие народ, захотели уничтожить следы преступной деятельности. Понимали, раз за них взялась партия «Народная власть», она не отступит. Поэтому мы требуем, чтобы расследование было проведено тщательнейшим образом.

– То есть, вы выполнили обещание, данное потенциальным избирателям? – с подвохом спросил журналистка.

Похлебкин засмеялся невеселым смехом:

– Ну что вы?! Мы привыкли ставить точки над «и» при выполнении своего задания. А здесь еще многоточие. Но мы обещаем, что партия «Народная власть» это дело просто так не оставит.

– А вас не пугает, – хитрым голосом спросила журналистка, – слух о том, что это вы, «Народная власть», сами и подожгли этот притон?

– Нас не пугает, – ответил Востриков, хотя вопрос был адресован Похлебкину. – Как говорится «на чужой роток не накинешь платок». Пусть думают, что хотят. А мы в «Народной власти» радеем за родной город и его жителей.

И он смахнул с глаза невидимую слезу.

– Во дают, – восторженно присвистнула Назира. – Вот это, я понимаю, пиар. Сейчас рейтинг вверх поползет.

– Да ты что, вдруг на нас подумают, какой тут рейтинг? – возмутилась Кира.

– Я вас умоляю! Попомните мое слово. Рейтинг взлетит до небес. Народ решит, что мы крутые. Да эти подпольные «точки» каждый второй мечтает поджечь. Только это уголовщина, не каждый решится. А мы, получается, молодцы. Да стопудово это нам на руку! – просветила собравшихся Назира.

– Боже мой, какой цинизм у такой юной дамы, – печально констатировала Сологубова.

Назира окинула ее цепким взглядом:

– А такой наив в вашем, далеко не юном возрасте, – это прискорбно. Тем более, у человека, занимающегося политикой.

– Немедленно извинись перед Татьяной Митрофановной, – чеканя слова, произнес Торопов.

– Еще чего! – пыхнула Назира, поднимаясь. – Да ну вас всех! Скучные вы.

И она, не прощаясь, хлопнула дверью.

Глава 8

– Я, безусловно, тронута тем, что ты в кои-то веки послушалась меня и пошла в партию. Хотя, конечно, нужно было идти в раскрученную. Желательно – в партию власти, на худой конец, к Жириновскому. Ну да ладно. Пусть будет «Народная власть». Есть шанс достичь в жизни чего-то стоящего. Но работать-то ты собираешься?

Тон Кириной мамы, Алисы Витальевны Кораблевой, был недовольным, как всегда в разговоре с дочерью.

– Мама, я работаю. Просто у меня накопилось двадцать пять дней отпуска только за прошлый год. А уже середина этого. Поэтому взяла отпуск и почти все время сижу в общественной приемной.

– То, что ты сидишь в приемной, меня не удивляет. Тебя куда ни направь, ты там и будешь сидеть. Сама никакой инициативы не проявишь, – Алиса Витальевна окинула дочь пренебрежительным взглядом.

– Про какую инициативу ты говоришь? – удивилась Кира.

– Да про такую! Это что, твоя программа максимум – сирым да убогим помогать? А карьеру ты делать собираешься? Ты сейчас все отпускные потратишь и опять без денег останешься. Хотя, какие там деньги? Старший помощник младшего дворника, – Алиса Витальевна с досадой махнула рукой.

– Мама! Я бухгалтер! – выкрикнула Кира со слезами в голосе.

– Ой, бухгалтер на рынке... Там только с молдаванами и можно познакомиться, – презрению матери не было предела.

Кира окаменела. Эта тема была запретной. Рана чуть зарубцевалась, но тронь ее, как сейчас мама, и снова откроется, закровоточит. Алиса Витальевна тем временем продолжала:

– Где твои амбиции? Ты должна добиться перевода в центральный офис партии. Тогда есть смысл продолжать. А иначе...

Кораблева старшая порывисто встала и сцепила руки в замок.

– Мама, чего ты от меня хочешь? – спросила Кира устало.

– Я от тебя уже ничего не хочу, – от маминого тона повеяло таким холодом, что Кира поежилась. – Ну что ж! Я еще немного за тобой понаблюдаю и, почувствую, отпущу тебя в свободное плавание. Сама снимай квартиру, оплачивай ее, покупай и готовь продукты. И это все на твою зарплату бухгалтера. Я жду еще месяц. Не будет подвижек – собирай вещи.

Кира на ватных ногах вышла из дома и обессилено плюхнулась на скамейку во дворе. Сложила ладони лодочкой и зажала их коленями. Надо что-то решать, и уже давно, это понятно. Дома находиться все сложнее.

Там и раньше-то было не сахар. Поэтому она ходила с подругами по кафешкам, кино, засиживалась допоздна на работе.

А уж когда появился Эмил, на работе чуть ли не поселилась. Эмил Чореску трудился на рынке водителем-экспедитором. Но это только называлось так красиво, на самом деле ему приходилось не только груз привозить-отвозить и бумаги оформлять, но еще и обязанности грузчика выполнять.

Эмил снимал маленькую комнатку в многокомнатной квартире, и Кира иногда оставалась там ночевать. И, боже мой, как они были там счастливы...

Все было прекрасно, пока однажды Кира не наткнулась на закрытую дверь. Больше Эмила она не видела. Вот тогда она приползла домой к маме, зализывать раны. Но зализать не получилось. Мама пилила ее с утра до вечера и превратила в сущий ад пребывание дочки в родных стенах.

Кира долго терпела, но однажды, во время очередной отповеди, чтобы прекратить этот бесконечный зуд, в очередной раз внезапно спросила:

– Мам, а кто мой отец?

Почему-то ей всегда думалось, что мама просто очень несчастна, раз все время одна да одна. Вот и злится. А ведь была же в ее жизни своя история, появилась же у нее Кира. И если мама вспомнит об этой истории, а еще лучше, расскажет, выговорится, то ей сразу станет легче. Ей представилось, как у мамы вдруг потеплеет взгляд, она украдкой смахнет слезу, поднимет глаза на Киру и как-то по-новому на нее посмотрит. А может даже и обнимет.

Алиса Витальевна замолчала на середине предложения, подошла к ней и с размаху залепила пощечину:

– Если еще раз посмеешь задать такой вопрос, ты мне не дочь.

– Мама, ну почему? – заплакала Кира.

– Ты меня слышала. Тема закрыта.

Тогда в первый раз Кира захотела уйти из дома. Все равно куда, только бы уйти. Но зарплата не давала возможности жить самостоятельно. Вот и терпела.

Сегодня она снова поняла, что так дальше жить нельзя. Надо решать вопрос прямо сейчас, немедленно. Устраиваться еще на одну работу, покупать продукты подешевле, меньше есть... Ничего, проживет! А то, что у нее маленькая зарплата, чтобы жить одной, – отговорки и страх принимать решение! Тямтя– лямтя!

Кира еще немного посидела, а затем решительно двинулась в «Искру».

В обеденное время в офисе было малоллюдно. На рабочем месте был только Торопов, который заканчивал разговор с абсолютно лысым дядечкой. Тот тряс перед Сергеем Ефимовичем кипой растрепанных листов и постоянно приговаривал: «Теперь-то вы меня понимаете?»

– Я вас прекрасно понял и постараюсь вам помочь. В следующий понедельник позвоните, и я скажу, как продвигается ваше дело.

Мужчина встал, с чувством тряхнул Торопову руку и, подхватив свои бумаги, ринулся к выходу.

– Вот же наши бюрократы, почище всякой «пятой колонны»! Они-то и расшатывают доверие к власти. До маразма дошло: пока президент не вмешается, толку не будет. Это же уму непостижимо! Человек два года ходит по инстанциям по поводу своей дачи. И даже решение суда есть в его пользу, но дело с мертвой точки не сдвигается.

– А как вы сможете сдвинуть это с мертвой точки? – поинтересовалась Кира.

– Да никак. Это только Вострикову под силу. Ему и передам дело, – ответил Торопов, складывая копии документов в папку.

Кира немного помялась, а потом решила:

– Сергей Ефимович, у меня к вам личный разговор.

Торопов поднял глаза от бумаг.

– Слушаю тебя, – слегка удивленно сказал он.

– Дело в том, что мне негде жить, – выдохнула она и коротко рассказала о своей проблеме. – Я хочу с вами посоветоваться. Может быть, мне можно некоторое время перекантоваться здесь, в офисе? Я бы на раскладушке спала до семи, а к восьми утра убирала ее.

Торопов задумчиво помолчал, а потом сказал:

– Я думаю, что эту проблему мы решим. Поживи пока здесь, как и планировала. А я поговорю с Востриковым, может, он что придумает. На худой конец, у меня дача пустует.

Услышав эти слова, Кира чуть не заплакала от облегчения и в порыве благодарности молитвенно сложила руки.

– Ладно, иди работай. Все в порядке, – Торопов вернулся к бумагам.

Глава 9

Глафира смертельно хотела спать. Они с друзьями тусили всю ночь, и она думала не идти сегодня в «Искру». Могут же у нее быть и свои дела. Но позвонила Врачиха и сказала обязательно прийти. Якобы сегодня будет какая-то проверка. Пришлось тащиться.

Но пока никакими проверяющими и не пахло, а шла обычная рутинная работа. Время тянулось медленнее обычного, Глаша еле доработала до обеда.

Только стукнуло двенадцать, как она уже неслась в кафе «Пингвин». Там девушка взяла себе латте и кусок орехового торта. Мама бы ее выругала за то, что она не пойми как питается. Она по старинке считала, что на обед обязательно надо есть суп. Сама же Глаша его терпеть не могла, другое дело пицца или гамбургер. Еще она любила спагетти с кетчупом, будь ее воля, только их бы и ела. А вот Назира за собой очень следила, никакого мучного.

Глафира доела торт до последней крошечки, допила сладкий напиток и нехотя покинула гостеприимное кафе. На улице на нее сразу налетел прохладный ветер, и Глаша, на которой была только дурацкая партийная рубаша в клетку, зябко поежилась.

Было бы классно завалиться в какую-нибудь киношку, взять попкорн, колу и смотреть что-то про инопланетян. Интересно, а Вене такие фильмы нравятся, или ему больше по вкусу про войну? Эх, ничего не поделаешь, нужно идти в «Искру», чтобы выбиваться в люди.

В приемной Кира успокаивала какую-то старуху, которой пришел счет на оплату коммуналки. Та голосила так, будто у нее случилось горе. Подумаешь! Плати по счету, а если денег нету – переезжай в квартиру поменьше и в другой район, куда-нибудь на выселки. А то живет в самом центре и еще чем-то недовольна.

Торопов разговаривал с дерганым плюгавеньким мужичком в затасканном парусиновом пиджаке, усыпанном перхотью. Глаша брезгливо передернулась. А Сергей Ефимович будто не замечал ни несвежей рубашки, ни грязных рук посетителя, ни ногтей, с «траурной полоской» под ними. Слушал жалобщика внимательно, по-птичьему склонив голову к плечу и время от времени делал пометки в блокноте.

Деловую обстановку разрядила трель Глашиного телефона, ворвавшаяся в приемную голосом певицы Ньюши : «Я хочу тебя любить, программируй меня, обними меня...»

Звонил Вениамин. Глафира неожиданно покраснела, а сердце сделало лишний удар. Она не хотела себе признаваться в том, что стала ждать его звонков, шуточек и внезапных приходов. И очень по этому поводу на себя злилась. Не дай бог об этом узнает Назира! Веня – совсем не вариант.

– Привет, Глашка! А что Дипломат наш трубку не снимает? – озабоченно выкрикнул Вениамин.

Это он так Торопова называет. Красиво, не то, что они с Назиркой придумали, Опель–Попель. Глаше совсем не хотелось его так называть, мужик он не вредный, разве только старый. А то, что у него машина не очень, так у некоторых и такой нет.

– Вот сам у него и спроси. Я что, ему сторож? – ответила она Вене резче, чем хотела.

– Брось, Глаш, дело очень срочное. Позови его к телефону, – Вениамин был серьезен, как никогда.

Глафира недовольно надула губки и протянула трубку Торопову:

– Сергей Ефимович, вас к телефону.

– Глаша, я занят. Видишь, у меня человек сидит, – недовольно сказал Торопов.

– Веня говорит, что это срочно, – хмыкнула Глаша, бросив взгляд на посетителя. Тоже мне, занят он!

– Слушаю, Вениамин, говори скорей. Что случилось? – с досадой сказал Торопов. И резко выкрикнул: – Что?!

Сергей Ефимович вскочил на ноги, передал Глаше телефон. Затем опустился на стул и сказал, обратившись к посетителю:

– Иван Семенович, у нас тут случилось небольшое ЧП. Давайте перенесем нашу встречу на завтра. Ориентировочно на час дня.

– Конечно, конечно, – засуетился Иван Семенович, – завтра в тринадцать ноль-ноль. Как скажете.

Он вскочил с места, прижал к груди выдавший виды саквояж, и попятился к выходу. У двери он столкнулся с бурчащей старухой, которая осталась недовольна Кириными объяснениями по поводу коммуналки. «Гореть вам всем, иродам, в огне. Ишь, на рубахи у них деньги есть, а все откуда? С наших кровных...» Она локтем отодвинула Ивана Семеновича и, продолжая ругаться, покинула приемную.

Как только из офиса вышел последний посетитель, Сергей Ефимович крикнул, чтобы все срочно подошли к нему. Сологубова отложила в сторону бумаги, которыми занималась, и гуськом, вслед за Аллой и Кирой потащила к столу. Глаша фыркнула.

– Ребята, только что взорвали офис «Возрождение», что на Старосельской.

Он был взволнован, но паники в голосе не слышалось. Глафира невольно им залюбовалась. Правду Назирка говорила, в нем что-то есть: эти седые виски, темно-серые глаза и даже старомодные усы. Действительно похож на дипломата. Тут прав Венька. Глаша так засмотрелась на Торопова, что не сразу поняла, о чем это он. В себя ее привели испуганные возгласы однопартийцев:

– Что?! Не может быть! Бред! – раздалось со всех сторон.

– Бред не бред, а Вениамин сказал, что это так. Я сейчас еду на Старосельскую, постараюсь чем-то помочь, – Сергей Ефимович направился к двери.

– Но ведь там пока полиция, разборки... Что мы-то сможем сделать? – спросила Аллочка Кучинская. – Будем только под ногами путаться.

Глаша с Назирой точно подметили, она – вылитая Памела Андерсен. Даже в дебильной клетчатой рубахе она умудрялась быть сексуальной. Кира на фоне зеленой клетки совсем потерялась, такая жалкая. А Аллочка – поди ж ты!

– Ребята, вы о чем? Вдруг там кто-то ранен или погиб? А вы про это даже не подумали, – возмутилась Сологубова.

Сразу видно, что Врачиха. Кто про что, а эта сразу ранен, погиб... Вот как человек может так жить?

Кучинская ахнула и схватилась за щеки:

– И правда! Что мы за люди?!

– Никто не погиб. Я только что позвонила Вене, – сказала Кира, возвращаясь к столу.

Ни фиги себе, она «позвонила Вене». И когда только успела! Деловая!

– Причем, никто не погиб по чистой случайности, – продолжила Кораблева. – Их Востриков вызвал в центральный офис, и они пошли туда во время обеда. Только-только вышли из подъезда, а тут как рванет.

И тут Глаше стало так страшно!

– Ни фиги себе, а вдруг и нас сейчас взорвут?! – выкрикнула она. – Ведь могут, вон по телеку постоянно всякие ужасы показывают.

Сергей Ефимович нахмурился:

– И правда, давайте-ка быстренько отсюда. Служба безопасности все проверит, тогда можно будет вернуться.

Работники офиса быстро двинулись к выходу, стараясь сдерживать панику. Посетителей, слава богу, в коридоре не было. Кира прицепила на дверь листок, на котором написала, что приемная закрыта по техническим причинам.

Прямо бесит со своей предусмотрительностью. И Вене она позвонила, и записочку на дверь налепила... Неужели она на самом деле такая, или выслуживается?

– Райком закрыт, все ушли на фронт, – почему-то сказала Сологубова.

При чем здесь фронт?

Посоветовавшись, они решили вместе отправиться на Старосельскую.

Глава 10

Около филиала «Возрождения» было многолюдно. Полиция, саперы, пожарные, зеваки, телевидение...

Красавчик Похлебкин стоял перед камерами и рассказывал о происшествии. Его взгляд горел праведным гневом.

– У вас уже есть своя версия произошедшего? – на сей раз вопросы задавал сутулый парень в маленьких очочках и с презрительным взглядом.

– Версия есть, но я бы воздержался ее оглашать вслух. Поймите, для нашей партии «Народная власть» очень важно все время находиться в правовом поле. Мы не можем назвать виновных до того, как их обозначит суд, – бойко ответил Похлебкин.

– Ну а все же, это ваши политические конкуренты? Или, может быть, ответ на так называемое закрытие притона на улице Победы? – журналист был горд своей смелостью. Слова «так называемое закрытие» он подчеркнул язвительной интонацией. Мол, знаем мы вас, сами подожгли, а теперь тут из себя корчите!

Похлебкин дернул бровями и опустил взгляд в землю. На губах его мелькнула загадочная полуулыбка. Пару секунд он молчал, а потом поднял на журналиста глаза, и с некоторой запинкой, как бы решившись, сказал:

– Все возможно. Могу сказать лишь одно: мы кому-то мешаем, а значит, мы все делаем правильно. И нас не запугать. На место одного погибшего встанет двое новых бойцов.

– А что, есть жертвы? – оживился журналист.

Похлебкин понял, что погорячился и дал задний ход:

– Да нет, это я фигурально выражаюсь. Просто, мы в дальнейшем усилим работу по борьбе с теми недостатками нашего общества, с которыми не можем смириться.

– А как так получилось, что все остались живы? Случайность? – ернически спросил очкарик. Было понятно, что в случайности он не верил.

В этот момент подъехали «искровцы», и внимание журналиста переключилось на них.

– Я вижу еще представителей партии «Народная власть». Кто вам сообщил о теракте? – ринулся он к Торопову с микрофоном наперевес.

– Мы узнали от одного из наших сотрудников о ЧП в филиале «Возрождение», и не смогли остаться в стороне. Вот, приехали всей командой, – и Сергей Ефимович Торопов указал на подчиненных.

Кира подошла к Вострикову, стоящему в стороне рядом с супругой:

– Здравствуйте, Антон Семенович, Элла Эльдаровна.

– Здравствуй, Кирочка. Видишь, какие дела творятся? – Востриков промокнул лоб носовым платком.

– А что полиция говорит? – Кира была очень расстроена.

– Ну что они скажут, Кирочка? – Востриков кивнул головой на толстого одышливого капитана с апоплексическим лицом. – Он ведь только и мечтает поскорее добраться домой да выпить кружку холодного пива.

«Данный теракт – это работа запрещенной террористической организации, криминальные разборки или политическая расправа»? – вопросы сыпались из журналиста, как горох. Полицейский отдувался и не давал ответов, ссылаясь на тайну следствия.

– Ничего, наша служба безопасности разберется, – уверенно сказал Востриков.

Кораблева сразу ему поверила и успокоилась.

Она очень боялась остаться без крыши над головой, если, не дай бог, взорвут приемную «Искры». При этом Кира стыдилась своих неправильных мыслей. Ведь нельзя же думать о себе в такой трудный для партии час. А она думала.

Подошел возбужденный Похлебкин:

– Ну, ребята, теперь наш рейтинг поперет. Как бы единороссов не обскакать.

– Обгонять нам не нужно, Олег. С первого места и спрос соответствующий. А мы еще молодые, неопытные. Нам поперек батьки в пекло лезть не нужно. И так все хорошо. Иди, Олеженька, иди к журналистам. А мы с Эллой Эльдаровной в полицию. Завтра на всех филиалах установим видеокамеры, усилим охрану.

Востриков проводил Похлебкина тревожным взглядом и повернулся к Кораблевой.

– Не волнуйся, Кирочка, иди работай. Принимай людей. После сегодняшнего события у вас народу прибавится.

Кира отошла, удивляясь цинизму людей, занимающихся политикой. Для них чем хуже, тем лучше. Все для них пиар: и черный и белый, все им на пользу.

Она вернулась к машине, Торопов уже сидел за рулем и ждал женщин из «Искры».

У Кораблевой зазвонил телефон. Номер был незнакомый. Она решила, что до нее пытается дозвониться мама и специально звонит с незнакомого номера, чтобы Кира ответила. Телефон звякнул в последний раз и умолк.

Вчера Кира собрала все свои вещи. Их было не слишком много, но все равно Вениамину пришлось загрузить в машину несколько коробок. Написала маме записку:

«Мама, ты сказала, что выставишь меня за дверь, если я не оправдаю твоих надежд. Я знаю, что у меня никогда это не получится. Поэтому я уйду сама. Прости».

Вечером раздался звонок от мамы, но Кира не взяла трубку. Она не хотела объясняться с ней, просто боялась. Поэтому смалодушничала. А через некоторое время пришло сообщение: «Тебя в моей жизни больше нет». Кира рыдала всю ночь, а утром приняла сложное для себя решение.

Она не станет звонить матери. Завтра же начнет искать подработку, ну, например, будет вести бухгалтерию пары небольших торговых точек. Или устроится уборщицей. Или дворни-

ком, им, говорят, дают жилье. Сейчас перекантуется в приемной «Искры», а потом будет снимать квартиру.

Пока это программа максимум. А там видно будет. У нее есть Макар Евграфович Самохин, который нуждается в ее заботе и внимании. Правда, имеется еще семья Кац, которая играет в жизни ее любимого старика важную роль. Но все равно, в его сердце найдется уголок и для Киры, в этом она уверена.

Телефон зазвонил снова, на этот раз она собралась с духом и ответила. Но на том конце трубки молчали. Кире стало не по себе. Молчание в телефоне, как все непонятное, естественно, вызывает тревогу. И еще ей показалось, что за ней следят. Пару дней назад в кафе, куда она забежала, чтобы выпить кофе, она внезапно почувствовала на себе чей-то взгляд. Кира стала вертеть головой, но не заметила никого, кто бы мог на нее смотреть. Но, тем не менее, неуютное чувство осталось. Вчера, когда они с Веней заносили коробки с ее вещами в приемную, она снова ощутила, как чей-то взгляд буравит ей затылок. Она обернулась – опять никого. И вот теперь взрыв в «Возрождении».

– Кира, садись, поехали, что застыла? – привела ее в чувства Сологубова.

Кораблева очнулась, и увидела, что все уже сидят в машине и ждут ее, чтобы тронуться с места.

Глава 11

Торопов сидел дома перед телевизором, пил пиво и ел фисташки. Смотреть было нечего. Просмотрел новости сначала на НТВ, потом на канале Россия, затем на Первом. На остальных каналах шли боевики, детективы, сериалы. Подошла жена, села рядом. Сергей ее обнял, она устроила голову у него на плече.

– Сереж, а ты уверен, что в этой вашей общественной приемной безопасно?

Сергей убежденно кивнул головой – безопасно, мол, и не сомневайся.

– Да и потом. Можно ведь после работы не в партию вашу нестись, а идти домой, – сказала жена с упреком.

– Наташ, я двадцать лет работаю инженером. Может, у меня какой-то кризис. Но мне захотелось еще чем-нибудь заняться. А не только за кульманом сидеть. Я ж тебе об этом уже говорил. Мне показалось интересным помогать людям. И я помогаю.

Супруга дотронулась до его щеки:

– Помощник мой.

Торопов улыбнулся и вдруг впился взглядом в экран. Снял руку с плеча жены и прибавил звука на пульте.

«... в лесном массиве было обнаружено тело молодого человека с двумя огнестрельными ранениями. Всех, кто знает убитого, полиция просит позвонить по телефону...».

На экране телевизора появилась фотография «мальчика-эльфа» из той самой квартиры, куда Сергей ходил по просьбе Вострикова, чтобы его «мама не волновалась». Именно этот юноша отдал ему таинственный пакет. Торопов вспомнил его вкрадчивый голос, странный неподвижный взгляд... И сладковато-тошнотворный запах, преследовавший потом Сергея не один день.

Торопов, отдав полученный сверток Антону Семеновичу, как будто переуступил ему и ответственность за судьбу пакета. И больше о нем не вспоминал. А что там было-то? И не из-за него ли убили этого пацана?

И если это так, то теперь опасность может угрожать ему самому. Хотя, с другой стороны, откуда убийца может знать, кому несчастный передал злополучный сверток? Да и вообще, может, пакет ни при чем, а это просто наркоманские разборки. Нечего себя накручивать! Но, тем не менее, тревожный осадок остался.

– Сереж, в чем дело? Что случилось? – заволновалась супруга. – Ты что, знал его?

– Да нет, просто молодой такой... Жалко, – пробормотал Торопов и поспешил перейти на другую тему: – Ну так вот, возвращаясь к нашему разговору. Понимаешь, звучит, конечно, пафосно, но я вдруг почувствовал смысл жизни. Не знаю, как будет дальше. Не все мне в партии нравится. Там много цинизма, показухи, но и реальные дела тоже делаются. Да и вообще, наша общественная приемная будет работать, пока не пройдут выборы. Я так думаю. Так что недолго тебе осталось волноваться.

– Сережа, а вдруг и вашу контору подорвут? – задала Наташа тревожащий ее вопрос.

– Да брось ты. Это же политика. Там грязь, но не криминал же.

– Ну конечно! Не криминал! А та приемная, которая на воздух взлетела? – не согласилась с ним супруга.

– Там еще ничего не ясно. Может, газ у жильцов рванул. Да и мы камеры ставим, охрану усиливаем. Все, успокойся. Пойдем-ка лучше попьем чайку.

Они чаевничали, болтали ни о чем, даже смеялись. Но Торопов все время думал об убитом пацане и о том, что было в пакете. Лежа без сна, без конца ворочаясь с боку на бок, он принял решение. Завтра после работы поедет в центральный офис и, несмотря ни на какую субординацию, прижмет Вострикова к стенке.

Глава 12

Кира бежала к Макару Евграфовичу. Сегодня она ходила в детективное агентство «Мегрэ», взявшееся разыскать его родственников. Вернее, дочь. И, наверное, внуков, а, может, и правнуков. Ему уже за девяносто, так что вполне может быть.

Детективы рыли носом землю и напали-таки на след.

– В Калиновке сейчас находится один из наших сотрудников. Это современное название Убибатьки, – пояснил детектив Роман вскинувшейся было Кире. – Интересно, что событиям этим уже больше семидесяти лет, вроде срок! А в памяти людей они сохранились.

Кира слушала, удивлялась. И вдруг, повинуясь импульсу, обратилась к сыщику:

– Роман, послушайте. А моего отца вы можете найти?

Она выделила голосом «моего» и еле слышно сказала «отца». Это слово в ее лексиконе было чужеродным, почти неприличным. Каждый раз, когда оно произносилось в доме Кораблевых, случался скандал. А тут на тебе – она сказала «отец», да еще и в сочетании со словом «мой», и небеса не разверзлись.

Роман растянул губы в улыбке.

– Почему нет, девочка? Были бы деньги, – он щелчком выбил из пачки сигарету и зажал ее между желтыми от курения пальцами.

– А сколько это будет стоить? Больших денег у меня нет, – у Кире от волнения пересохло во рту.

Роман стрельнул в ее сторону острым взглядом, налил в стакан минералки и протянул Кораблевой. Та кивнула с благодарностью, но пить не стала.

– Ну, все зависит от сложности поисков. Имя, фамилия, желательно отчество. Он алименты платил? Есть какие-то квитанции? – заученно спрашивал детектив.

Роман закурил и подвинул к себе хрустальную пепельницу, забитую окурками. Запах от нее был еще тот.

Кира первый раз была в этом кабинете. Обычно ее принимали в зале для переговоров. Там были светлые стены, темная мебель и очень много цветов с красивыми крупными листьями. Кресла были мягкими и глубокими, ковер цвета прелой розы делал шаги совершенно бесшумными. И пахло там свежестью и крепким кофе.

Кабинет Романа резко отличался от остальной обстановки детективного агентства. На краю большого стола примостился компьютер. Все остальное пространство стола было занято бумагами, ручками, обломанными карандашами. Здесь же находился пузырек с каплями от

насморка, и стояли две чашки с высохшей кофейной гущей. Пол был усыпан пеплом, там же валялись скомканные бумажные листы. Но, как ни странно, этот кабинет внушал Кире большее доверие, чем зал с розовым ковром.

– Мои поиски будут, наверное, тоже дорогими. Я не знаю и никогда не знала имени отца. Мама никогда о нем не говорила, – печально сказала Кира.

Она выросла с чувством неполноценности: почти у всех ее одноклассников папы были. И пусть не жили с семьей, но дети встречались с ними, рассказывали о них. А Кира нет.

– А она сама знает, кто отец ребенка? – дернул уголком губ Роман.

– Думаю, что знает. И, может, все еще его любит. Но у нее очень сложный характер. Если решила, что этот человек ее предал, могла даже имя его вычеркнуть из памяти. Насчет алиментов я не знаю. Но, по-моему, ничего такого не было.

– Да, задачка... Думаю, что обойдется недешево. Но за поиски родни Самохина вы же платите, – Роман бросил на нее внимательный взгляд – не прибудняется ли.

Кира взгляд заметила, поняла, покраснела и поторопилась объяснить:

– В первый раз я сама заплатила, а теперь Макар Евграфович денег дал. А поиски отца – это уже моя личная история. Так сколько это будет стоить, хотя бы приблизительно?

– Давайте, Кира Анатольевна, сделаем так. Вы расскажите нам все, что знаете о своем папе: воспоминания детства, телефонные звонки, разговоры мамы и бабушки, какие-то обмолвки... Возможно, вы даже и не представляете, сколько всего в вашей голове сохранилось.

На том и порешили. Кира говорила, вспоминала. Но все отрывистое, фрагментарное. И больше на уровне чувств, ощущений. Она думала, что все ее воспоминания не стоят выеденного яйца, но Роман внимательно слушал, даже делал какие-то пометки в блокноте. И Кире показалось, что он остался доволен.

Поэтому она шла к Макару Евграфовичу почти вприпрыжку.

Хотя еще ничего не было известно, и не понятно, во что ей встанут эти поиски. Но девушке казалось, что имя отца у нее уже в кармане.

Самохин ждал Киру у окна. Увидел, приветливо махнул рукой. Хотя, махнул, это слишком смело сказано. Руки у него тряслись. Он и таблетки из блистера сам не мог выдать. Раньше это делали соседи или Кацы, а теперь Кира. Она выщелкивала пилюли из упаковки, потом перекладывала их в небольшой стеклянный пузырек, и затыкала его ваткой.

Кира вбежала на третий этаж. Макар Евграфович уже ждал ее у дверей. Они сразу распахнулись, едва Кира поднялась.

– Давай, Кирочка, мой скорее руки, я тебе уже кофейку сгоношил.

Кира зашла в ванную и наспех занялась уборкой. Самохин плохо видел, поэтому не замечал неряшества. Девушка быстро протерла кафель, слила водой мыло, на котором засохла пена, развесила аккуратно полотенца. Глянула в зеркало и тут увидела, что на потолке, прямо на глазах, начинает разрастаться розовое пятно. Вот от него отделилась капля, она стала увеличиваться в размерах, вот отделилась вторая, вот третья. Скоро по всему пятну расплозились пузыри. Одна из капель достигла критической массы и сорвалась вниз. За ней, словно по команде, ринулись вниз и другие, образовав тонкий розовый ручеек.

«Вот зараза, придется разбираться с соседями. Возможно, ругаться», – этого Кира ужасно не любила.

Крикнув Самохину, что скоро придет, она через ступеньку ринулась вверх.

На звонок никто не спешил отзываться. Тогда Кораблева принялась стучать в дверь кулаком – залетит же Макара Евграфовича, а он – нижнюю квартиру! И придется делать ремонт. А им с Самохиным деньги сейчас просто позарез нужны. Поняв, что ей никто не откроет, она прислонилась спиной к двери и в отчаянии ударила ту ногой. Так спиной и ввалилась в квартиру.

Кира больно ударилась спиной о тумбочку, стоящую в коридоре, и неожиданно для себя громко выругалась.

– Эй, есть кто дома? – спросила она, потирая ушибленную спину.

Никто не ответил. Кира прислушалась: в ванне шумела вода. Девушка глубоко вздохнула, постучала в дверь помывочной и потянула ее на себя. Приоткрыв щелочку на пару сантиметров, Кира припала к ней ртом и снова попыталась окликнуть хозяев квартиры. Поскольку ответом ей была тишина, а у ног плескалась вода, она отворила дверь полностью.

«Небось, открутила кран и куда-нибудь ушла. Ворона! Или засела в интернете. Вот и произошел потоп», – только успела подумать Кира, как вдруг увидела ужасающую картину.

В переполненной водой ванне лежала девушка. Одна рука свесилась через край, по залитому полу плавали губка, шапочка для душа и кусок банного мыла. Кровь окрасила воду, и все это: розовая вода, темные волосы, безжизненно свисающая рука, создавало жуткую сюрреалистичную картину.

Кира зажала рот ладонью и опрометью бросилась из квартиры. На лестничной клетке привалилась к стене, закрыла глаза и тихонько завывала. Сердце колотилось, будто она пробежала пару километров, пальцы не сразу попали по кнопкам телефона. А в голове пульсировала только одна мысль: «Макар Евграфович расстроится».

– Сергей Ефимович, это Кораблева. У меня беда.

И она сбивчиво рассказала о случившемся.

Надо отдать должное Торопову. Он не стал занудничать, узнавать детали, спрашивать, какого черта она зашла в чужую квартиру...

– Иди к своему старику и жди меня. Я сейчас буду.

Кира на деревянных ногах спустилась на третий этаж и вошла в квартиру Самохина. Тот стоял у дверей.

– Кирочка, куда ты делась? Я же кофеек тебе сделал, крепкий, как ты любишь. Только он уже остыл. Теперь придется новый заваривать. А куда ты ходила?

– Да вас соседи сверху заливают. Я сбегала туда, но дверь оказалось закрытой, – соврала девушка.

– Вот же заполошная! Опять залила! – укоризненно покачал головой Самохин.

Кира подставила таз под струи воды, льющиеся с потолка.

– Кто заполошная? – спросила Кораблева, поняв о ком речь.

– Да соседка моя, – Макар Евграфович бросил в лужу старый пододеяльник. – Орефьева. Имя у нее еще такое интересное. Николь! Такая безалаберная!

Орефьева, Орефьева... Фамилия показалась Кире знакомой.

– Так она что, не первый раз вас заливает? – уточнила она.

– Да вон какой потолок в ванной! Видишь, весь в пятнах, – старик дрожащей рукой показал наверх.

– Я вижу, что у вас даже грибок от сырости появился, – Кира оглядела старенькую ванную комнату.

Бедненько. Зеркало в когда-то белой, а теперь пожелтевшей от времени пластиковой оправе, умывальник со сколотым краем, кран, замотанный синей изолентой... «Надо будет сделать ремонт, – неожиданно подумала она. – Не сейчас, конечно, а когда поиски закончатся. А что, возьму кредит и сделаю».

Она вытирала воду с пола, выкручивала пододеяльник над ванной, снова вытирала, когда раздался телефонный звонок.

– Выходи. Мы тебя ждем, – сухо сказал Сергей Ефимович.

Кира уговорила Самохина прилечь:

– Полежите немного, я с товарищами из ЖЭКа, наконец, перекрою потоп.

Около квартиры старика ее ждали Торопов и какой-то парень, вроде из службы безопасности партии. Вместе они поднялись на четвертый этаж. Кира осталась около квартиры Орефьевой, а мужчины вошли внутрь. Кире показалось, что они пробыли там долго, целую вечность, но когда дверь, наконец, открылась, и она взглянула на часы, оказалось, что прошло меньше получаса. Торопов взял Киру за локоть и отвел в сторону:

– Кира, сейчас ты звонишь в ЖЭК. Скажешь про потоп, про то, что звонила в квартиру, но тебе не открыли. Одним словом, говоришь все, как есть, кроме того, что ты сюда заходила. Коммунальщики вызовут полицию. Будешь представляться, ни в коем случае не упоминай партию и то, что ты познакомилась с Макаром Евграфовичем в «Народной власти». И его предупреди. Такого рода пиар нам ни к чему. Антон Семенович сделает все, чтобы информация никуда не вышла. И, главное, если тебе покажут утопленницу, не говори, что ты ее узнала.

Кира вытаращила на него глаза:

– А я ее узнала?

– Конечно. Это же невестка той вредной старухи Орефьевой. Зои Павловны, вроде. Ну, которая хотела компромат на невестку собирать, чтобы оградить от нее своего сыночка, – пояснил он, видя, что Кораблева не помнит.

Кира схватила его за руку: «Какая невестка? Откуда вы ее знаете?»

– А чего там знать-то! Ты же сама фотографии видела. Те, которыми Орефьева трясла, а потом бросила у нас, – пояснил Торопов, видя, что Кира все еще не понимает, о чем речь.

– Так это она? Та красавица?

– Она. Странно, я думал, ты ее узнала. А раз нет, то и нужды нет докладывать, – подвел итог Торопов. – А то увяжут все в один узел: взрывы, поджоги, а теперь еще и убийство.

– Не буду ничего говорить. Я и правда не видела, кто там в ванне. Заметила только темный затылок и руку, – Кира почувствовала, что ее снова мутит. – А почему убийство? Она что, не сама умерла?

Спросила и поняла, что задала идиотский вопрос. Ведь видела же кровавую воду!

– Конечно, сама. Сама себя ножом потыркала, – Торопов горестно хмыкнул. – Давай, вызывай коммунальщиков. И самое главное, войди вместе с ними в квартиру убитой. Вдруг там твои отпечатки остались, тогда полиции сможешь объяснить, откуда они взялись.

До позднего вечера Кира разбиралась сначала с ЖЭКом, потом с полицией. Особую тревогу у нее вызывал Самохин. Но он, на удивление, выдержал неприятные процедуры, связанные с опознанием, правда, таблетку под язык закинул. Когда все закончилось, они попили чаю, и Кира осталась ночевать в квартире старика. Он спал так тихо, что Кира, к которой сон не шел, вставала с дивана, на цыпочках подходила к двери спальни. Прислушивалась, дышит ли, и так же тихо возвращалась на место. Заснула она только под утро.

Когда Кира вышла к завтраку, на кухне пили кофе с булочками Соломон Исаевич и Софья Борисовна Кац. Увидев ее, они окаменели.

– Кирочка! – обрадовался Самохин. – А я вот господам рассказываю про вчерашний день. Надо же! Такая молодая, такая красивая... Вот я, старик, живу, а она умерла.

Он печально покачал головой.

– Ну, Макар Евграфович, она же не сама умерла. А это может случиться с человеком в любом возрасте. Давайте я вам чаек сделаю, – Кира закинула чайный пакетик в чашку, залила кипятком и поставила перед Самохиным.

Она совершенно не понимала, как себя вести. Что говорить? Что-то объяснять? Оправдываться? Вроде бы не в чем, но она чувствовала себя виноватой.

– Да, Евграфович, я смотрю, вами уже командуют. Без году неделю вас знает, а уже ночевать остается, – смерив Киру с головы до ног презрительным взглядом, сказала Софья Борисовна.

Кира съежилась на табуретке. Ее охватила такая тоска... Вот сейчас эти люди, которые, видимо, искренне привязаны к старику, убедят его прекратить общаться с ней, и тогда она умрет от тоски.

– Ой, Софочка, я так давно живу один, что пора бы найтись какой-нибудь оборотистой дамочке. А у меня, вместо такой вот дамочки, есть внучка Кирочка.

Кира резко подняла голову.

– Как?! – отчаянно крикнул Соломон Исаевич. – Как такое может быть, ведь вы же уверяли, что одиноки!

– Ну что ты, Моня, кричишь? Или ты не рад, что я не один? – прищурился глазами, спросил его Самохин.

– Мы-то рады, – сказала Софья Борисовна, вставая со своего места. – Но только настоящей внучке.

С этими словами она помахала пальцем перед носом у Киры, словно боярин из фильма «Иван Васильевич меняет профессию», мол, царь-то ненастоящий!

Глава 13

– Давайте, друзья, побыстрее. Осталось пять минут, – Торопов накрыл небольшой импровизированный столик и теперь ждал своих коллег, чтобы вместе смотреть телевизор.

– Ого! У нас сегодня пир? – удивленно спросила Сологубова.

Волонтеры «Искры» весело загалдели. Только присели к столу, как в приемную ворвался Вениамин.

– Ого! У нас сегодня пир? – воскликнул он вопросительно.

Услышав это, все разом захохотали.

– Вы что, сговорились? Только что Татьяна Митрофановна задала такой же вопрос и, главное, с такой же интонацией, – пояснила Глафира.

– Ладно, господа, садитесь. Мы собирались смотреть передачу «Сатисфакция»? Собирались. Вот и смотрим. Болеем за нашего Олега Витальевича. Он сегодня в студии дискутирует с Селивановым.

– Что еще за кент? – лениво поинтересовалась Глафира.

– А это, Глашенька, лидер партии ПЛР «Ориентация – Запад» Артем Селиванов.

Аллочка побледнела.

– Как это Селиванов?.. – помертвевшими губами спросила она.

– Алла, тебе не плохо? – встревожено спросила Кира.

– Да нет, просто голова закружилась. Что это за Селиванов и что за ПЛР? Просто интересно узнать, – Кучинская на удивление быстро справилась с волнением.

– Дорогие мои, – возмутился Торопов, – мы с вами члены партии «Народная власть». Мы в политике. И должны знать всех наших конкурентов. ПЛР – Партия либеральных реформ.

– Ой, тоже мне конкуренты! Два процента по рейтингу, – иронично сказала Сологубова.

– Сегодня два, а завтра двадцать два. Все, началось, смотрим, – Торопов разлил по рюмкам коньяк.

На экране появился длинный прямоугольный стол. За одним его концом сидел роскошный красавец Олег Витальевич Похлебкин, за другим – не менее харизматичный и импозантный Артем Игоревич Селиванов.

Программа «Сатисфакция» была невероятно популярна среди зрителей. В студию приглашались два человека с прямо противоположными политическими взглядами, взглядами на семейные ценности, на воспитание детей... И начиналась дискуссия, часто перераставшая в скандал и даже драку. А зрители присылали смс и отдавали голоса тому гостю, который казался наиболее убедительным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.